

ЯРОЕ ОКО

АНДРЕЙ
ВОРОНОВ-ОРЕНБУРГСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Воронов-Оренбургский
Ярое Око

«Автор»

2009

Воронов-Оренбургский А.

Ярое Око / А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2009

ISBN 978-5-532-97026-7

В 1223 г. в южнорусских землях произошли события, определившие дальнейший ход истории... Междоусобные распри князей, тёмные интриги в княжеских палатах, окружённая пламенем Дикой Степи Русь, первые кровавые стычки с жестокими врагами. Преодолевая интриги и распри, князь Мстислав Удатный собирает дружины, чтобы остановить продвижение кочевников. Полный опасностей поход ратных дружин за Днепр заканчивается битвой на реке Калке. Столкнувшись с непобедимыми доселе полками Субэдэя, цвет русского воинства не отступил и навсегда остался в Дикой Степи... Но не только седые курганы за Днепром в суровом молчаньи хранят и помнят погребённую древнюю славу Руси. Не только на гребнях холмов и взгорий под вольными ветрами склоняется по погибшим серебристый ковыль. Мы, потомки, помним о вас, герои!

ISBN 978-5-532-97026-7

© Воронов-Оренбургский А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	48
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Воронов-Оренбургский Ярое Око

Вид их адский и наводит ужас. У них нет бороды, только у иных несколько волос на губах и подбородке. Глаза узкие, быстрые – в них бьется ярость и зло. Голос хриплый и острый. Они сложены прочно и долговечны.

(Киракос, армянский историк XIII в.)

Этот проклятый народ мчится на конях так быстро, что никто не поверит, если сам не увидит.

(Клавиго, XV в.)

Или мы разобьем головы врагов о камень, или они повесят наши тела на городских стенах.

(Из древнего персидского стихотворения)

... Не успели урусы собраться для битвы, как татары обрушились на них в несметном числе, и сражались, и бились обе стороны с неистовым, неслыханным мужеством.

(Ибн аль-Асир)

От автора

Древняя Русь. Сердце и колыбель будущей Великой России. Земля, не знающая ни времени, ни страха, ни рабства. Здесь даже камни и проплывающие облака говорят о мужестве наших предков, об их героизме, святой вере и стойкости.

...Нет ничего красноречивее одинокой реки, которая несет свои ленивые воды в бурях, выжженных солнцем степях Приазовья. Имя ей – Калка. Сквозь тишину восьми веков – эта история о кровопролитном сражении русских воинов с передовыми полчищами Чингисхана. Это суровая история о междоусобной вражде русских князей и трусости половцев, участвовавших в сече на нашей стороне. Это повествование о ключевом моменте в жизни средневековой Руси...

Невеликое число русичей 31 мая 1223 года от Рождества Христова сошло с врагом насмерть на этой реке за свою жизнь, свою свободу, за нас с вами.

И пусть дружины русских князей потерпели в этой неравной битве поражение... Но поражение это значило больше, чем последующие победы Святой Руси. Это был первый блестящий пример всем свободным людям, всему христианскому миру... пример того, что может горсть храбрецов, если они откажутся подчиниться воле тирана.

...Гибель героев, кровь и пожарища той битвы осветили дорогу русским князьям на Куликовом поле, объединив их духовные и ратные силы в единый стальной кулак, под Святой Хоругвью Спасителя Мира – Христа.

От автора

На протяжении всего последующего сопротивления монголо-татарскому владычеству эти боевые хоругви служили нашим предкам и путеводной звездой, и духовным воинским знаменем.

Именно от таких древнерусских хоругвей, как «Ярое Око», новгородская «Знамя Божией Матери», смоленская «Божия Матерь Одигитрия», а также стяги воинов-защитников

земли Русской Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского и Михаила Архистратига, позже в истории государства Российского берут начало и все боевые знамена легендарных русских полков.

Глава 1

...Из бурых степей Приазовья, выжженных солнцем, с белесых солончаков дул жаркий ветер.

Обуглившаяся твердь стала похожей на черепаший панцирь – такая же твердая, гулкая, как полая кость. Трава взялась желтизной, покоробилась, по-старушечьи пригнулась к земле и шуршала под стать пергаменту, когда ее трепали горячие персты сухова.

Из-за песчаного откоса, на спекшихся глинистых комьях которого млели узорчатые стрелки ящериц, выпрыгнул бродяга-шакал, повел лакированным носом туда-сюда и уныло порысил прочь, будто комок рыжей пыли. И вновь над Дикой Степью¹ взялась мертвящая тишина. Лишь у подножья холма продолжали цвиркать о щебень когти стервятников; трещали и гребли пылицу разлапившиеся крылья да жадно выстукивали, щелкали хищные клювы, справляя мрачную тризну.

Внезапно один из пернатых могильников² насторожился. Его припавшая к добыче лысая голова замерла. Из-за кургана донеслось тихое бречанье камней и звенящий хруст песка. Красная ободранная шея птицы напряглась. В отливающем жестокой бездонной чернью зрачке отразилась застывшая пена белых облаков, красный гребень песчаника и... темный силуэт одинокого всадника.

Станным и необычным казался взявшийся ниоткуда чужак. В иноземном корзно³ и dospехах, затерянный в этой прорве нелюдимых равнин, где всюду валялись растасканные зверьем человеческие и лошадиные кости, он казался призраком, который остановил бег своего коня, чтобы получше рассмотреть эту картину.

И правда, куда бы он ни бросал взгляд своего единственного пытливого глаза, всюду виднелись вехи смерти: белые черепа со страшными зарубинами мечей и пустодырыми метинами от копий и стрел. Вехи эти видны были и вдоль широкого шляха, что протянулся с юга на север. По краям он был едва обозначен костями, но расстояние соединяло их вдали в непрерывную цепь, утыкающуюся в сабельную полосу горизонта.

...Поджарый вороной жеребец с длинной блестящей гривой нетерпеливо вскинул морду, звякнул золоченой уздой, еще больше насторожив больших птиц.

Могильники теснее сбились над добычей, валявшейся посреди пыльной травы. Находились, нервно переступая высокими лапами, – железные полумесяцы когтей заскребли по заскорузлой коже земли.

Всадник подъехал ближе, щелкнул двухвостой плеткой. Тяжело взмахивая нагретыми солнцем крыльями, падальщики перелетели на ближайšie бугры. Но один из них, тот, что первым заметил чужака, стал набирать высоту... И уже с вершины полета острому взору хищника стала отчетливо зрима истинная панорама того, что до срока скрывали песчаные осыпи безымянного кургана...

На беслесой равнине, выжидая команды своего полководца, подобно тугим змеиным кольцам развернулись густые ряды огромного войска. Всадники стояли неподвижно в грозном, немом молчании. Выпукло были видны железные шлемы, блестящие латы, кривые клинки, копыя и щиты, на которых ослепительно ярко горели звезды и блики солнечных лучей. Сотня за сотней, тысяча за тысячей, широкой полноводной рекой расплескались железные волны орды.

¹ Дикая Степь (Дикое Поле) – название степей, прилегающих к южным и юго-восточным границам Русского государства. Понятие «Дикое Поле» возникло еще в XIII веке и исчезло в конце XVIII века, когда Россия вышла на побережье Черного моря и почти не осталось неосвоенных степей. – *Здесь и далее примечания автора.*

² Вид крупных степных орлов; стервятник – большая хищная птица семейства ястребиных, питающаяся падалью.

³ Плащ (устар.).

Душная известковая пыль, поднятая несчитанной тьмою ног и копыт, волокуш и колес, стояла над степью...

Стервятник очертил круг и пошел на новый – еще выше, еще более обозримый... Взор выхватил белую юрту, подле нее рогатый бунчук⁴ с пятью конскими хвостами – знак силы и власти монголов⁵... Увидел вереницы обозов и степняков, стекавшихся к лагерю бурливыми ручьями; но из-за дыма несметных костров этих полчищ глазам было не суждено разглядеть боевой стан и пасущиеся на склонах холмов стотысячные табуны...

Сколько их? Тридцать полков? Или больше, пятьдесят? А может, сто?

...Огромные крылья подняли птицу к лазоревым аркадам небес – и вот уже блеснула далече, внизу, серебристой дугой излучина могучего Днепра... И где-то там, если гнать коней прямо на север, в полдень можно услышать в дремлющей тишине медные всплески колокольного благовеста матери городов русских – Киева.

...Черный крест силуэта падальщика превратился в неподвижную точку, не больше тыквенного семечка, а вскоре и вовсе исчез...

Но войско монголов никуда не ушло – осталось на месте. Здесь, в дикой степи, на половецких безбрежных кочевьях, затаилась грозная неодолимая татарская сила, хоронясь от дозоров русичей до последнего страшного дня.

...Одноглазый Субэдэй-багатур⁶ – суровый и непобедимый полководец великого Чингисхана – цепким взглядом проводил полет сильной птицы. О, как он завидовал в тайниках души свободе стервятника! Как страстно он хотел бы сейчас обратиться в эту хищную птицу, чтобы так же вольготно летать в любые края, куда кликнет сердце, куда пожелает душа. Но он – нукер великого кагана⁷, «Потрясателя Вселенной», краснобородого Чингисхана. Его верный слуга – уже более сорока зим. Он – Барс с Отгрызенной Лапой – так зовут его в Золотой Юрте владыки, так называют его между собой воины. А потому он, Субэдэй, без колебаний направит морды коней своих непобедимых туменов⁸ туда, куда прикажет долг, туда, где повелитель и совет курултая⁹ больше всего нуждаются в его острых саблях. «Бог на небе, каган – божья сила на земле», – заученно прошептали его губы и беззвучно повторили главный завет Чингисхана: «Всегда унижайте и убивайте ваших врагов и возвеличивайте ваших друзей».

Субэдэй, оставаясь в седле, бросил равнодушный взгляд на распростертое тело у копыт своего коня. Падальщики уже сделали дело – успели выклевать глаза чернобрового юноши и искалечить его лицо, еще сохранившее гордые, мужественные черты.

За спиной полководца послышались крики воинов, погонявших лошадей; громче загрели боевые барабаны и сигнальные рожки сотников, но старый Барс с Отгрызенной Лапой

⁴ Древко с привязанным конским хвостом, служившее в старину знаком власти (у монголо-татар, казачьих атаманов, украинских и польских гетманов, турецких пашей).

⁵ Монголы – тюркское племя, к которому принадлежал великий завоеватель Чингисхан. Нация монголов подразделяется на северных (халха-монголы), западных (ойраты, мингаты, торгоуты, байты, дербеты и др.) и восточных (баргуты, харачины, туметы и др.). В 1223 году монголами был предпринят первый пробный поход на Запад. Поход, который по сути своей был глубокой стратегической разведкой для подготовки намеченного Чингисханом вторжения Великой Орды в Восточную Европу. В тот год воды Калки сделались алыми от крови героев. Так Древней Руси был брошен вызов Востоком. Тогда же русский меч впервые познал мощь и сокрушительный натиск татар, а Великая Орда – стойкость и крепость русского духа.

⁶ Субэдэй-багатур (Субудай) – один из выдающихся монгольских полководцев; участник битвы при Калке. По мнению некоторых военных историков, поход Субэдэя, закончившийся битвой при Калке, был глубокой стратегической разведкой для подготовки намеченного Чингисханом вторжения монголов в Восточную Европу. Это вторжение было предпринято через 12 лет после смерти Чингисхана его внуком Бату-ханом (Батыем), в 1237 году, причем главным военным советником и руководителем этого похода был не кто иной, как Субэдэй-багатур, сделавший указанную разведку.

⁷ Титул главы государства у тюркских народов в Средние века, а также лицо, носившее этот титул; наименование хазарского хана в VIII–X вв.; каганат – государство, глава которого носил титул кагана (Хазарский каганат).

⁸ Тумен – тьма: в древнерусском счете – десять тысяч; великое множество чего-либо (монг.).

⁹ Съезд, общее собрание у некоторых монгольских и тюркских народов (тюрк.).

и бровью не повел. Субэдэй знал – орда исполняет его волю. Еще вчера, на закате, он отдал войску приказ: «Утром, после крика петуха, строиться на равнине позади кургана».

Внезапно мысли его прервал голос подбежавшего тургауда¹⁰: припав на одно колено и в почтении склонив голову, телохранитель доложил:

– Прибыл Джэбэ-Стрела. За ним следует весь его отряд – десять тысяч всадников.

– Где он? – Грозный старик недоверчиво покосился на тургауда, по-рысьи прищурил единственный глаз.

– Нойон¹¹ у твоей Белой Юрты, бесстрашный! Сейчас поднимается на курган... Он жаждет видеть тебя.

Субэдэй пришпорил черного, как ночь, скакуна арабских кровей... Джэбэ, прославленный воин и храбрец, которого хранят боги от копий и мечей врагов, все последние дни не выходил из головы старика. Шесть дней назад по его приказу нойон бросился со своими воинами по кровавым следам разбитых кипчаков¹² воеводы Яруна... И вот – Джэбэ здесь!

Субэдэй натянул повод у своей большой юрты на холме, где около рогатого пятихвостого бунчука были по кругу воткнуты в землю десять высоких копий с пестрыми бунчуками тысячников отряда. Теперь весь тумен был в сборе и гудел осиным роем на равнине.

Из-за юрты, в плотном оцепе личной охраны, показался высокий, широкогрудый багатур¹³ в остроконечном шлеме и чешуйчатой броне. Вид его был ужасен, как у бога войны – Сульдэ. Он весь до бровей был забрызган кровью и словно изъеден бурой кипчакской пылью. В таком виде Джэбэ было непросто узнать, но Субэдэй узнал и, подняв руку в приветствии, спешился.

– Кому пастух люб, любя и его собака. Вещь не прочна, хозяин долговечен. Многих лет и побед тебе, бесстрашный. Я – Джэбэ-Стрела!

– Где Ярун? И где его поганая свора? – обрубил Субэдэй, стальные китайские латы лязгнули на его плечах.

Джэбэ подал знак охране. Его телохранители тотчас отошли прочь и замерли неподалеку, почтительно наблюдая за встречей двух легендарных вождей величайшего Чингисхана.

– Я гнал Яруна до Хазар-реки¹⁴... Два дня назад здесь был бой. Мои сотни вырубili половину его псов. Их презренные останки ты видишь пред собою, храбрый!

– Где остальные? – Ноздри Субэдэя по-волчьи хищно раздулись.

– Они воссоединились... с их главным ханом Котаном¹⁵. Моих сил не хватило сразиться с его ордой. Но я, хвала Онону и Керулену¹⁶, привез тебе подарок, храбрый! Аяя! Что может быть лучше для монгола-воина, чем голова его врага, брошенная у порога юрты?

Нойон шелкнул пальцами, и тургауд, стоявший ближе других, передал ему кожаный хурджин.

– Это Кулан, сподвижник Яруна. – Джэбэ дико свернул глазами, молча развязал тесемки переметной сумы и вытряхнул под ноги Субэдэю человеческую голову. – Ты узнал его, Субэдэй? Этот шелудивый пес осмелился скалить зубы на непобедимые тумены нашего повелителя!

¹⁰ Воин из личной охраны монгольских ханов; телохранитель.

¹¹ Князь (монг.).

¹² Кипчакская степь – огромная территория от Днепра и на восток до Семиречья, населенная многочисленным кочевым народом тюрского корня – кипчаками. В русских летописях кипчаки назывались «половцами», на Западе – «куманами». В Венгрии имеются области «Великая Кумания» и «Малая Кумания», населенные потомками половцев, бежавших в XIII веке от нашествия монголо-татар.

¹³ Прославленный, знатный воин.

¹⁴ Одно из древних названий Днепра.

¹⁵ Главный, могущественнейший хан половцев; участник похода на р. Калка.

¹⁶ Коренной ордой монголы называли северо-восточную часть Монголии по течению рек Онона и Керулена, где жили ближайшие родичи Чингисхана.

Джэбэ подпнул носком сапога выбритую голову половца так, чтобы прославленный полководец мог лучше разглядеть лицо.

На старого монгола таращилась сизая маска с черной веной на горле, с глубоким, как межа, сабельным надрубом поперек правой скулы. Смерть выплеснула весь румянец и живой блеск из глаз, оставив лишь застывшую муку в мертвых очах.

– Ай, ай... – Барс с Отгрызенной Лапой удовлетворенно шелкнул языком, давая понять молодому нойону, что остался доволен подарком. – Проденьте ремень от повода сквозь уши этой собаки. Я повезу голову с собой, у седла, на потеху нашим батырам.

Курган огласился боевыми кличами монголов. Под эти звериные завывания и крики Субэдэй-багатур, прихрамывая на левую ногу, подошел к белой, как снег, кобылице. Ее по обе стороны держали за узду два рослых нукера.

Старик вытащил из серебряного чехла острый персидский нож и ловко надсек подрагивающее плечо животного. Лошадь забилась, взлягнула, шарахнулась было в сторону, но крепко держали руки опытных коневодов. Темная, точно гранатовый сок, кровь зачистила толчками по белоснежной шерсти. А Субэдэй, крепко сторстив пальцами гриву, жадно припал морщинистыми губами к ране, как слепень, высасывая кровь. Наконец старик оторвался от кобылицы. На его плоском, красном от крови лице блеснул узкий, будто осокой прорезанный глаз.

– Мутуган! Хатун! – Субэдэй кинул взгляд на своих нукеров. – Передайте глашатаям... пусть разносят весть по орде: юрты, ковры и войлоки бросим здесь... ставьте курени¹⁷! Дальше на север не тронемся. Впереди страна длиннобородых урусов. Будем ждать вестей от людей Гемябека!

Нукеры немедля бросились исполнять приказ полководца, а сам он, приложив ладонь к сочащейся ране кобылы, провел сырой от крови рукой по кирасе¹⁸ Джэбэ.

– Будь гостем в моей юрте, достославный нойон! Тебе следует отдохнуть с дороги. Мои рабыни омоют твоё тело... Накормят бараниной и напоят кумысом... А мы обсудим с тобой... план нашего набега на Русь. Пленные кипчаки упорно твердят: «Урусы сильное и плодовитое племя!»

– Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

– Это верно, брат. Но следует помнить: «По одеялу ноги протягивай». Кто слишком жаден и многого хочет, тот и малого лишится.

– Да пребудет с нами удача, храбрый!

– Да будет солнце на нашей стороне...

¹⁷ Курень – монгольское слово *kurien* означает круг юрт с юртой начальника кочевья в центре.

¹⁸ Монгольский обычай – пожелание здоровья и долголетия.

Глава 2

Савка Сорока, сокольничий великого князя галицкого Мстислава Удатного¹⁹, выехал третьего дня с дядькой Василием в степь набить «всякой» дичи к столу своего господина.

Их сборная охотничья ватага из двадцати киевских и галицких дворовых «добытчиков» пыталась удачу южнее Черной протоки. Места нелюдимые, дикие – верно, но далекие от кочевий лихих половцев. Выше по течению, верст за сто, можно было наткнуться на шатры и повозки «лжеверцев» хазар²⁰, на другие окольные народы, что осели с «мирной клятвой» во степи, возле белокаменных стен могучего Киева, – ну, да туда пылить... подковы сотрешь.

Добытчики были спокойны, как у Христа за пазухой. При них скрипело всего три подводы, остальные десять во главе со старшим зверобоем Перебегом мяли траву восточнее сторожевого кургана Печенегская Голова. Равнины и лесистые склоны холмов там были полны зверьем: и олень, и косуля, и вепрь, и лось... Камыши и плесы стариц²¹ кишели крылатой дичью, но... это были земли хана Котана – хозяина Дикой Степи.

...Отколовшаяся от основной партии семерка на совесть прочесывала долину за долиной. Свежих следов и здесь было по горло – не зевай, смотри в оба. И удача им улыбнулась. Вскоре все три подводы наполнились «под захлеб» дичью, и время было поворачивать вспять.

– Савка! Слышь ли, урван?

К молодому сокольничему восемнадцати лет подъехал шагом на стомленном мерине дядька Василий. Поправив побитый сединой ус, крикнул с седла:

– Однакошь времечко... восвояси трогать. Вороти подводы, Сорока, заждалися нас на князем дворе.

– А как же быть с киевлянами, дядя? Мы вроде как в гостях у ихнего князя?.. Аж ли не бум ждать Перебега с ловчими? – загребая растопыренной пятерней упрямые вихры к затылку, подивился Савка.

– Семеро одновошь не ждуть, дурий... – У кума Василия смеялись глаза. Подъехав ближе, он похлопал сокольничего по загорелой до черноты шее и подмигнул: – Перебег, чай, не сосунец, бывалый добытчик, и воин хоть куда! При ем дюже стрелков супротив нас. Да и хозяин у него свой имеется. Нехай сам пылить в Киев. При такой жарнице кабы убоина душком не взялась. Тады угробим дело. А ты знашь, наш князь строг – недогляд не потерпит! Давай, поспевай за мной, малый. И не брунжи, як комар.

...Захлюстанные пылью и кровью подводы тяжело тронулись обочь песчаного холма, блестящего розовой плешью. Мокрые от пота, вконец замордованные жалящим паутом лошади то и дело спотыкались, храпели, вымогались из последних сил.

...Солнце еще не село, оно висело над горизонтом на расстоянии одной ладони от него, но степь под колесами повозок уже окрасилась спелым багрянцем.

Опытный следопыт без труда может определить в любой момент время суток, даже не глядя на небо, а просто присмотревшись к кочке или кусту – как на них падает свет. Обладал этим опытом и Савка Сорока, а потому никак не мог понять бессмысленного упрямства седоусого дядьки Василия – насилу понужать лошадей. «Один бес нам не поспеть к ночи...

¹⁹ Современники называли князя галицкого Мстислава Мстиславовича Удатным (удачливым), позднейшие летописцы переделали это прозвище в «Удалой».

²⁰ Хазары – союз тюркоязычных, в основном кочевых племен, живших на территории Дагестана, Нижнего Поволжья, Приазовья, Подонья, Крыма. Первые сведения о хазарах относятся к V веку, когда они были известны под именем «акациров», обитавших в степях Северного Кавказа. Верхушка хазар получала большие доходы от транзитной торговли через Хазарию. В середине VII века у хазар возникло самостоятельное государственное образование – Хазарский каганат. После его разгрома в 965 г. хазары как самостоятельное племя быстро исчезли, растворившись среди тюркских племен.

²¹ Полностью или частично отделившийся от реки участок ее прежнего русла; староречье.

до крепостных ворот еще ой как далече, сколь ни крути... Не краше ли дать разумный отдых коням? Оно где солнце, уж надкусили его, родимое, холмы половецкие...»

И точно, как ни «холерил» дядька Василий, как ни лютовали плетьюми погонщики, скорая ночь прежде настигла их, вынудив застрять до зари в степной балке.

...Место для ночлега спешно выбрали у мелкого говорливого ручейка – шириной не больше конского хомута, а то и того уже. Вокруг простиралась ровная, как стол, степь, лишь за спиной виднелись корявые гребни холмов, похожие в этот закатный час на застывшие морские волны.

...Сидя у костра, Василий, как старший, зачел молитву. Остальные повторяли за ним, временами осеняя себя крестом, с опаской поглядывая по сторонам. Когда с молитвой было покончено, добытки княжьего двора с нетерпением накинулись на еду. Люди выхватывали из «жаровни» запеченные на углях куски оленины и, громко чавкая, с жадностью пожирали сочное мясо.

Время шло, и мало-помалу укрытый плетенкой от вражьего глаза костер стал угасать, потому как в него перестали подбрасывать собранный прежде валежник.

Отягощенные трапезой люди какое-то время еще восседали на разостланных шкурах в сытом оцепенении; затем в этом же бессознательно-благодушном состоянии стали вытирать о длинные волосы и ниспадающие на грудь бороды жирные пальцы и тут же укладываться. Уж кто-кто, а они-то нынче заслужили свой отдых.

В конце концов все уgomонились, и только Василий и Савка продолжали сидеть, глядя в догорающий рубин костра, над которым хилой струйкой вился дымок и уходил в ночь, в черное небо, а вернее, в синее – из-за россыпи золотых и серебряных звезд.

– Пошто не спишь, Сороченок? Ты али я... дозорить станем? – Василий уткнул в землю короткий, в полтора локтя меч; оперся двумя руками о крестовину рукояти, нахмурил брови. – Не нравится мне эта ноченька, упаси Бог... Кошки скребуть на душе... Эх, от радости выпить, от горя запить. Вон и шакал-добывашка завыл, ровно к покойнику... Слышь ли, Савка?

Юноша кивнул, посерьезнел лицом. Вроде обычная для степи вещь: «Вот ведь невидаль – песнь шакалки?.. И ему, хвостатому, пожалиться хотца... Бродячая жизнь не тетка родная...» Ан нет, тошно как-то стало на сердце после слов Василия. Савка, чувствуя легкий озноб, запахнул шибче полы своего зипуна, прислушался.

И правда, где-то в степи, пожалуй, в версте от них, тьявал шакал. Потом стал скулить и повизгивать, жалобно подывая. Затем вдруг взял по-бабьи высокую скорбную ноту и завыл вовсю, точнехонько зарыдал, и все в разном «манере», будто он там не один, шельмец-чрево-вещатель, а целая стая.

Где-то к югу, ближе к холмам, отозвался степной волк. Дальний сородич шакала завыл протяжно и стыло. «И кто их знает, кто их разберет, зубастых чертей?.. А может, это половцы иль печенег?.. Эти злодыги отменные мастера под волка косить... Это у них, поганых, с роженья что ни на есть любимая уловка». Но бирюк²² продолжал без утайки выть про свою нелегкую судьбу, и сидевшие у костра, не сговариваясь, порешили, что это все же настоящий серый разбойник.

Однако Савка придвинул к себе поближе лук с переными стрелами – так-то оно спокойнее и вернее... Береженого Бог бережет.

– Можя, подкинуть сухары в огонь? – глухо обронил дядька Василий. – Я гляжу, дюже зябко тебе, паря?

– Ась? Да нет... – отмахнулся Сорока.

²² Волк (обл.).

– Не стрекочи! Чай, зрячий... Зипунишко-то твой не от ночной холодрыги, а от солнышка. Пошто овчины не взял? Гляди, застудишь свою хозяйству... как потом девкам подол задирать будешь?

Савка от таких «приятностей» зарделся лицом. Щеки его залила гуша бордового румянца; благо, было темно, да и в отсветах мигающих углей все казалось малиновым. «Вот прилепился, репей! Тоже же мне... исповедник нашелся. Ложился бы спать, орясина чертова».

– Чевось глаза остробучишь? – зашевелил скулами Василий и, задумчиво помусолив кончик сивого уса в губах, вдруг доверительно спросил: – Красива она у тебя?

– Кто?

– Брось Ваньку валять... Не таись! – Василий, скрипнув бычьими кожами нагрудного панциря, нагнулся к Савке и, щекоча ухо ему бородой, шепнул: – Зазноба твоя, то я не знаю! Как ее?.. С Чемеева двора. Гарная девка – коса до заду.

– Отвянь от греха! – Сорока отвернулся, но дядька Василий не отступил. Напротив, зашел с другого бока и снова боднул вопросом:

– Ты хоть, голубь, в губы-то ее чмокнул разок? Подержался небось за сиськи сдобные? Али так... еще только намыкнуться собираешься?

– Да будет тебе брехать, кум! Ежли б не твои лета... да бывлые заслуги пред князем...

– То шо б тогда? – Желтые, как речной песок, глаза Василия вновь залучились смехом. – Цыть, Савка! Зелен ты горох мне брехню заправлять! По совести да по нутрям выпороть бы тебя на городском майдане за таки «почтения» к старшим! Одна сучка брехат, а я дело гутарю. Мне с тобой, дураком, мутиться вовсе без надобности. Молчи да дозорь тут, коли охота!.. Ишь ты, гордыбака нашелся! А чаво одлел-то? Чаво?! Сам не знашь. Гляди-ка, ощерился, ровно я с его земляничкой-ягодой одну перину делю... Эх ты, Сорока!..

Седоусый добытчик безнадежно махнул рукой, завернулся в хвостатый полог из волчьих шкур и улегся ногами к костровищу.

Теперь слышно стало, как сопят спящие, но богатырского, «нараспашку» храпа, который сотрясает стены на постоянных дворах, слышно не было... Оно и понятно: Дикая Степь с младых ногтей приучает людей не шуметь без нужды. А еще время от времени с тихим шипением осыпался, превращаясь в золу, догоравший сухарник...

Савка вздохнул свободно, когда наконец взялась тишина, но тут же и пожалел о сем... Уж больно тоскливо сделалось на душе. «Сиди тут, тарашь глазюки во тьму, как сыч... да гáчи²³ мочи в студеной росе...»

Он покрутил головой, глянул на небо. Месяц был чуть-чуть, на волос худее, чем вчера, но теперь он светил всюю и никуда не нырял, не прятался...

«А все один черт, на брезгу²⁴ хлябь посыпет... потому как в носу ровнехонько будто кто травинкой щекотит. Эт точно, – заключил Савка. – Взять хоть и то, как нонче хрустела трава под ногами. Да и по тому, как теперича от земли тянет сырью и холодом».

...Он снова обозрел залитую перламутровым, призрачным светом степь. Тишина. Поглядел на спящих вповалку товарищей, подле которых покоились мечи и колчаны. «Спят, сурки... напупились убоины. Ловят в сети заветные сны».

Рядом молчком лежал дядька Василий; его горбатый коршунячий нос торчал вертикально вверх, подсвеченный месяцем.

– Эй. – Сокольниковый «на авось» торкнул коленом в плечо зверобоя и дыхом спросил: – Не спишь ли еще, кум?

Василий сторожливо прирассветил один глаз, но, все поняв, досадливо хрустнул под волчьим шкурьем мослаками пальцев и зло просипел:

²³ Половинки штанов; штаны; ляжки (устар.).

²⁴ На рассвете (устар.).

– Нуть?.. Чего тебе, маета?

– Да погоду ворчать, Васелей Батькович! – Сорока уцепился за льняной рукав дядьки.

– Неча годить! Тебе, балабою, предлагали добром погутарить о том, о сем?.. Ты ж зубья скалил! Теперича – брысь! Дай поспать трошки, скорее вставать!

Василий вырвал руку, помолчал чуток и, сменяя гнев на милость, бросил:

– Чаво хотел-то, горе луковое?

Савка, обрадованный неожиданным участием, с готовностью придвинулся ближе, перешел на придушенный доверительный шепот:

– А ты... слышал ли шо... о татарах?

– А то! – Белки глаз зверобоя сыро блеснули в опаловой майской тьме. – Кто о них ноне не слыхивал, разве глухой?.. В Киеве вельми раззаров²⁵ по сему поводу. Немой токмо не гутарит об энтот пришлом зверье... Баяут-де, всю южную степь, до самого Хазарского моря²⁶, татары на дыбы подняли! Где ни пройдут их кони – смерть распластывает крылья! И одна, значить, пепла в остатке от городищ!.. Ты вот послухай, малый. – Василий удобней устроился на шкуре, сунул кулак под голову. – Даве, когдась от Лукоморья²⁷, с Залозного шляху²⁸, пришли по Днепру струги заморских купцов, прибыли с ыми и два ветхих старца-странника. Я-сь был тады на пристани – Толкуне... Зело народишку собралось – шапке упасть негде, угу, вот крест...

– С этим понятно, кум... Дальше-то шо?

– Да погоди ты понужать, торопыга! Экий ты раздолбуша!

Дядька Василий, остребенившись, шворкнул горбатым носом и, выждав паузу, продолжил:

– Так вот, эти два странника, значить, э-э... спаси Господи, надули нам в уши страстей... Дескать, все половецкие станы нонче бегуть сломя голову с Дикого Поля... А за ними вослед гонится лютое, страхолюдного виду племя. Вот те безродные чужаки и есть, значить, «татары»²⁹. Деды баяли: «Вид ихний наводит ужась... Бород – нема, токмо у иных щепоть волос на губах и ланитах. Носы вмяты в скулы, и у каждого за спиной взлохмаченная коса, як у ведьмы».

– Неужто такие страшили? – Савка недоверчиво округлил глаза.

– Да помолчи ты, глупеня! Говорят же тебе... От одновошь только виду безбожной татарвы люди мрут, как мухи, и падають замертво. Вот так-то, брат-гаврик! Чужбинник дьявол, с длиннющей рукой – под церкву! А ты сидишь тут дураком на попонке, со скуки крутишь пух усов и сумлеваешси: «Неужто, дядя таки страшили бывають?» То-то и оно... Бывають! Оне тебя, родственник, без чесноку и соли, вместе с поршнями³⁰ схрумкають и имечка не спросять.

– А не подавятся, суки? – Савка вспыхнул очами.

– Ты опять за свое?!

– Ладнеть... молчу. Дальше давай.

²⁵ Здесь: склока, спор, пересуд.

²⁶ В XIII веке Черное море называлось у мусульманских писателей морем Хазарским, а Крым – Хазарией. Позже Хазарским морем называлось Каспийское.

²⁷ Лукоморье – побережье Азовского моря.

²⁸ Залозный шлях – очень древний торговый путь от Азовского моря к Днепру. «Залозный» произошло от древнего произношения слова «железо», т. к. по этому кратчайшему пути караванами провозилось железо, бывшее в древности ценным металлом и доставлявшееся из Китая и других мест Азии (Забелин, Брун). Это наименование «Залозный» сохранилось в измененном названии станции «Лозовая».

²⁹ «Этноним “татары” впервые возник в VI в. среди монгольских племен, обитавших к юго-востоку от Байкала. Татары охраняли северную границу Китая от кочевников. Чингисхан, объединив монгольские племена, поголовно истребил татар за то, что они отравили его отца. Но китайцы по привычке применяли это название, распространяя его на все многочисленные племена монголов, так же, как греки и римляне называли “варварами” всех чужеземцев, чуждых их культуре. Из китайской летописной традиции это название проникло и в русский язык. В XIII–XIV вв. на Руси татарами называли многие народы, вошедшие в состав Золотой Орды» // Алеврас Н. Н., Конюченко А. И. «История Урала XI–XVIII века».

³⁰ Род кожаной обуви – сапоги без каблучков (прост.).

– А дальше та-ак. – Василий поправил уклепанный медными бляхами поясной ремень и раздумчиво почесал заросли бороды: – Вестимо, перепуганный люд забросал Божьих калик перехожих вопросами: так, мол, и так, что сие за люди? Какого роду-племени? Старцы, по всему, были люди сведущие, мудрые, разные там письменна читать способные... Ответовали: шо-де сказано в святых книгах – нагрянет с востоку тьма-тьмущая чужедадьцев. Народ сей семени ядовитого, желтого... в наших краях-волостях неслыханный, глаголемый «татаре», и с ыми еща чертова дюжина языков. Яко же половцы доселе губили и грабили окрестные племена, ныне, значить, их погибель настала. Вороги эти не токмо половцев посекуть, но и на ихню землю сами седоша... Во как!

– И откуда ж явился этот народ? – багровея сердцем, прохрипел Сорока.

Зверобой с усмешкой оттопырил нижнюю губу:

– Знамо дело: из тех же ворот, откель весь народ! Бабье постаралось... Ты вот все лезешь, да прыгаешь муругим козлом впередь батьки в пекло... А товось не знашь, Савка, о чем глаголють сказанья в святых повестях... «О них же владыко Мефодий Патарийский свидетельствует, яко греческий царь Ляксандер Маркедонский в допотопные времена загнаши поганый народ Гоги и Магоги на край земли, значить, в пустыню Етриевську, шо меж востоком и севером. Заторцевал он их, паскуд, горами да скалами и вельми припугнул мечом – сидеши там до скончания сроку! И тако бо владыко Мефодий рече, яко к скончанию времени горы те, значить, раздвинутся, и тогда выйдуть оттель Гоги и Магоги и попленают всю землю от востока до Евфрату и от Тигры до Понтъскову моря – всю землю, значить, акромья Эфиопья...»

– Это ж как... всю землю?! – Савка в горячке гнева схватился за меч. – Стал быть... и нашу матушку-Русь?

– Вот и я за то! Нам половецкова гадовья по самы ноздри! Кровники оне нам заклятые! – Вековая, пенная злоба поводила губы Василия. – Уж какие лета... эти нехристи вытаптывают своими конями чужие хлеба? А сколь кровищи христьянской пролито? Сколь баб наших да детев малых в полон угнано?.. Не счесть! Зачем нам еще татаре? Спаси Господи... – Он осенил себя широким крестом. – Хватит и энтих едучих вшей половецких на нашей хребтине! Даром шо изверг Котан нашему галицкому князю Мстиславу богатый тесть! Вот пусть друг пред другом и распинаются, жмутся в объятых за свою родню – половецкую кровь да целуются! А нам-то с тово... какая радость?!

– Плохие слова, кум... Ты как о нашем князе глаголешь? Он нам и отец, и защита.

Савка твердо, с осудом посмотрел в глаза куму, тот зло шурился, но молчал. Сокольниковый сбавил до шепота голос:

– Гляди, Васелей... как бы кто не услышал тебя из наших... за такие слова – дыба³¹.

– А ты-сь не пужай, малый. – Кум повел дюжими плечами, скрежетнул зубом: – До нее... «дыбы» твоей, еще дожить нады. Ты думаешь, зачем наш князь Мстислав со всей дружиной в Киев пожаловал? Знаешь? Так вот: я наемни у княжих палат Мономаховых слышал грешным делом от ихних панцирников... В степь пойдем, к Залозному шляху, и по всему, вборзе³²! Вот дождемси токмо силушки ратной: больших и малых князей, и всем гуртом тронем коней, куды ворон костей не заносил.

– Эт шо ж, супротив татарвы, выходит?

– Выходит, супротив ее, брат ты мой...

Дядька Василий опасливо подмигнул Савке и оголил в улыбке шербатые от кулачных драк зубы.

– Влезли мы, похоже, промеж двух жерновов. С одной стороны половцы и татаре, с другой – наши князья, жеребцы ретивые. А нам-то нужно?..

³¹ Средневековое орудие пытки, на котором растягивали тело обвиняемого, выворачивая или ломая кости.

³² Вскоре, немедля (устар.).

Савка последних слов зверобоя не разумел. В душе его случился пожар: «Неужто в настоящей сече мне быть?! С нашим-то князем! Чего еще больше желать?»

– Кум, поклянись Христом, шо не брешешь... насчет степи и татаров!

– Да истинный Бог. Но ты – цыц! Я-то тертый кобель... Жизнь повидал, баб пошшупал, а ты-сь? Чему лыбишься, дура? Гложут тебя капустные кочерыжки. Кровь впереди. Ты сам-то разуй гляделки! Разве не зришь, шо кругом деется? Сии знаменья последних лет... Те старцы вещали: «Явилась миру страшная звезда, лучи к востоку довольно простирающе... и предсказала новую пагубу христианам и нашествия нового ворога... То вышли из-за гор ледовитых и прут на нас Гоги и Магоги! Ныне пришло реченное скончание времени. Конец миру близко!» А ты – гы-гы!..

– Кум, а кум! – У Савки от возбуждения пуше прежнего загуляла по жилам молодецкая звонкая кровь.

– Да пошел ты, Сорока! – рыкнул Василий. – Надоел ты мне хуже горькой редьки! Вынь да положь ему... Дай поспать, оголтень!

Дядька Василий натянул на голову волчью покрыву, и больше ни слова.

Но сокольничий был не в обиде. «Вот новость так новость! С копыт сбивает!» Да и ему ли, Савке-молодцу, горевать посему? Его и без того сжигала изнутри мучительная страсть к победам... Готовность послужить своему кумиру – князю Мстиславу Галицкому во славу русского оружия. «Ежели грянет сеча – то постоим! Почтим нехристей огнем и мечом!» Одного он только не мог понять, как это: «Я сложу голову, а жизнь будет гореть без меня?..» Впрочем, эта темная мысль не пугала и не застревала в его голове; она уносилась прочь, подобно щепке в быстрой стремнине реки. К своим годам Савка знал, как «Отче наш...», что воины имеют в виду, когда говорят о смерти; постиг он, и что такое преданность родной земле, православной вере и своим друзьям. Губы юноши тронула счастливая улыбка – неутолимая жажда острых ощущений, она накатывается волнами, как безумие. И, право дело, в такие минуты Савка Сорока готов был на все, дабы утолить сей голод, сполна вкусить запретные плоды. Да и что может быть для молодой, горячей крови более прекрасного и притягательного, чем опасность и риск?.. Любовь! – вот что способно загасить сжигающее его пламя. Вернее, ярче разжечь... Ведь любовь – это тоже всепожирающий огонь, тоже безумие.

Но и на этом поприще ему, Савке – круглому сироте, ни горевать, ни тужить не приходилось. Потому как в родном Галиче, за высокими крепостными стенами его надежно ждало крепко любящее сердце. «Ксения, любя моя!..»

...Савка бесшумно поднялся с нагретого курпея³³, прошелся размять затекшие ноги, проведать коней – все ли ладно? Через мгновенье его уже было не видно, а через другое – и не слышно.

...Месяц меж тем укутался в черные перья облаков, но вскоре выглянул одним серебряным усом, и стало чуток светлее, но ненамного – кусты и бугры по-прежнему не отбрасывали тени.

Кони настороженно встретили Савку, но, узнав в нем «своего», нудиться перестали.

Сорока стряхнул с мягких юношеских усов хлебные крошки, запил сухарь из кожаной фляжки родниковой водой и посмотрел еще раз в сторону лошадей. Те были сбиты в гурт, прядали ушами, их чуткие ноздри трепетали, как листья ивы. Сокольничий снова улыбнулся своим мыслям; в глазах табунка отражались рубиновые искры прогоревшего костра, их сочный малиновый блеск играл в черном гривье, как играют звездные блики на речной глади.

«Все же славное гнездилище выбрал кум, – мелькнуло в голове. – Толково, по склону лощины... в аккурат шоб укрыть и людей, и лошадей».

³³ Курпей – выделанная шкура ягненка.

Не желая возвращаться к потухшему костру, он присел неподалеку от лошадей, положив возле своих поршней лук и колчан со стрелами. Мысли крутились вокруг татар... В памяти, как поплавки, прыгали и ныряли в омут воображения дядькины слова: «Вид ихний наводит ужас... Бород – нема, токмо у иных шепоть волос на губах и ланитах... Носы вмяты в скулы, и у каждого за спиной взлохмаченная коса, як у ведьмы».

«Да уж... наши умеют понагнать жути... Жабу силком спомають на болоте... соломинкой надуют ее, дуру, через гузно и пужают друг дружку. Хотя... что же за зверь-то такой – татары?.. Не по себе, ей-бо... Но коли наши бьют в хвост и в гриву укрытых в кольчуги да панцири поганых половцев и печенегов... моgetь, и сей дикий народ опрокинем? Правильно бабка Настена гутарит: “Не столь страшен черть, как его молва малюет”».

...Сокольничий хотел еще помороковать над сей «бедой», да не смог... Набросив поверх зипуна овчинный тулуп (который он захватил с собой из повозки), Савка сразу уснул, и немудрено... Потому как нет ничего уютней и слаще на свете, чем спать под открытым небом, укывшись шкурой. «По первости она колет и щекотит тебя жестковатым ворсом. Но вот ты угрелся, щетинки прилипли к телу, и кажется, что это твоя собственная шерсть».

Глава 3

...Глазными впадинами чернели глинистые овраги степи, где, скрываясь от чахлой зари, еще таилось молчание угасающей ночи. Тут и там, как сгустки лилового студеного тумана, застыли холмы и ползучий кустарник – будто стерегли-выжидали, что шепнут им безымянные ямы и рытвины степи.

...Савка Сорока, притулившись плечом к лысастому бугру, спал без задних ног. Но снились ему не кровожадные орды татар и не те тревоги и страхи, которые порою проводят человека в ночи, присасываясь многоглазой тьмой к самому его лицу, а пронизанные солнечным светом картинки встреч – его и Ксении...

Видался Савке оголенный овал ее розового, прозрачного, как воск, плеча, на котором играли в пятнашки изумрудные тени листвы... ее смеющийся взгляд, искрящийся счастливой слезой и улыбкой... Кожа у Ксении тонкая, белей молока, а волосы такие красивые, светлые, что даже и в пасмурный день кажется, что на них падает солнце.

...Вот они поднимаются по струганым прогретым ступенькам крыльца... В доме никого – все на покосе; она идет впереди, он следом... Ксения бойко шлепает вышитыми бисером чириками³⁴, а он не может оторвать от любимой глаз: полуденное солнце просвечивает белую ночную рубашку, и он отчетливо видит стройные очертания ее полных ног, окатистых ягодич, лирообразно переходящих в талию... Ему так и хочется поймать Ксению за руку, похлопать ее ниже пояса, «зажать» в сенях, иль прямо здесь, на резном крыльце, но... она ускользает, бросив на него озорной, словно хмельной взгляд... В памяти Савки остались только белая стежка пробора, разделявшая ее волосы на два золотистых крыла, да малиновое сердечко чувственных губ, сжимавших снежный венчик ромашки.

Он рванулся за нею... словил аж в горнице, у печи; хотел ей шепнуть что-то на рдевшее ушко, но ощутил на своих губах теплые, пахнувшие молоком после утренней дойки пальцы...

– Лягай на полати, там прежде застелено... Я же ждала тебя... Двинься. Молчи, ветрогон... Ты меня любишь?

– Еще как!..

Он чувствует крутую девичью тугость груди, сверх края заполнившую его жадную ладонь. Кровь до одури стучит в висках, скачет жеребцом в жилах... Он ближе, теснее... Но она не дается, ловко и сильно управляет им, как наездница:

– Да погодь ты, шальной, успеешь, возьмешь свое... Кто у тебя отбирает? Постой. Дай насмотрюсь на тебя, Савушка... Какой ты к бесу «Сорока»? Дурый, кто обозвал тебя так, и слепец. Сокол ты у меня... васильковы очи.

Она отбросила с белого лба тяжелую, как латунь, прядь волос и, влажно мерцая камышовой зеленью глаз, без затей и утайки открылась:

– Боюсь за тебя, слышишь?.. Боюсь, потому что люблю... Ты дороже мне жизни! Боюсь, потому что неведомый лютый враг у наших границ! А я не хочу, не хочу-у лишиться тебя! – срываясь на плач, вымученно прошептала она. И вдруг, замолчав, содрогнулась от собственной решимости и отчаянья: – Ну, чего ждешь? Давай же, жги! Хочу тебя, родной... Хочу любить тебя со всей силой!

– Ксана... Ксаночка!.. – Он что-то бормотал ей, ласковое, бережно собранное в тайниках души; дрожал радостной, счастливой улыбкой, судорожно срывая с себя рубаху... Но когда Савка опрокинул Ксению на медвежью доху, она вдруг взмолилась:

– Ой, ой! Больно чуток... Погоди, гребенка-зараза!.. Сейчас, ай!

³⁴ Башмаки, шлепанцы, туфли (обл.).

Она, закусив губку, выудила из волос костяной гребень, но он выскользнул из пальцев и скакнул под полати...

Савка, костеря в душе встрявшего черта, крутнулся на край, чтобы достать «безделку», – не видать. Свесился круче вниз головой – углядел: «Вот ты куда упрыгал, провора!» Он хотел уже было словить гребешок, как... пальцы его схватились льдом, а шея окоченела...

Он не мог оторвать потрясенного взгляда от жуткой руки, которая протянулась из-под полатей, взяла гребешок и так же бесшумно исчезла...

Огромная, смуглая, отливающая копченой желтизной, – она дышала чудовищной силой, и кожа на ней была под стать дубовой коре.

...Все померкло в Савке: ровно горел в нем светлый каганец³⁵, да вот нахлобучили медный гасильник. Он будто лишился рассудка, как только осознал, что им грозит... Глянул через плечо, ан любушки Ксаночки – нет, словно ее кто унес на крыльях...

Безысходная злоба захлестнула Савку, заметалась в груди. И тут его словно пихнули... шибанули с размаху в лицо.

...Сорока очнулся – одурело открыл глаза и обмер. В предрассветной сукрови неба он увидел, как ниже по ручью, там, где безмятежно спали его друзья и знакомцы, к прогоревшим углям крался враг.

Их было не меньше дюжины... Сокольников прекрасно видел, как бесшумно извивались змеями их тела по земле, как мелькали в траве подошвы иноземных сапог с загнутым вверх носком – гутулов.

...Он и глазом не успел моргнуть, как один из желтолицых оказался возле дядьки Василия, выхватил кривой нож, замахнулся над спящим...

Есть люди, кои в минуту опасности столбенеют; руки опустят и отдают, как овцы, свою жизнь на волю мясника... Да только Савка Сорока был не из тех. Сызмальства и вожжами, и лаской его вразумлял отец – княжий лучник: «Прежде дело задай рукам, а уж мозги – пушай вдогон перстам поспевают!»

Так и вышло! Не зря, видно, Савка накануне маял оселок – затачивал железные накопечники. «Ххо-к!», «ххо-к!» – это звенела сухожильная тетива его лука, посылая в полет две стрелы.

«Ххо-к!» – третья подружка смерти с веселой злостью сорвалась с тетивы.

Нет, неспроста на господском дворе Савка слыл важным стрелком. Недаром он с трехсот локтей без промаху «лупил» в середку подвешенной на крюк подковы. Не дрогнула его рука и на сей раз, не подвел соколиный глаз.

Первая остроклювая вестница с хлюстом прошила горло лазутчика, угодив точно в трахею... Монгол выронил нож и, задыхаясь, харкая и клопоча хлынувшей из ноздрей и глотки кровью, рухнул снопом поперек дядьки Василия.

Ошеломленные внезапной гибелью своего собрата-ордынца, татары на мгновение оторопели.

И тут вторая стрела, высвистав песню смерти, с глухим стуком пробила кожаный доспех еще одного, застряв по самое оперение между лопаток. Желтолицый всплеснул руками и уткнулся в серую золу кострища.

Но вот третья – изменница-стерва – лишь калено и звонко вжикнула по стали монгольского остропырого шлема и отскочила прочь.

Ан главное – «Слава Христу!» – было выиграно время!

...Когда Савка сломя голову с мечом подбежал на выручку – русская сталь уже яро звенела и грызлась с монгольской.

³⁵ Светильник, лампадка (тюрк.).

Наши не дрогнули – пластались будь здоров, но и татары, будто заговоренные колдовской молитвой, рубились отчаянно, крепко держа подо лбом кочевую заповедь: «Кто не защищается – погибает. Горе бросившим оружие!»

Однако и густая кровь русичей испокон веков ведала: «Победа воина – на острие его меча».

– Береги-ись!

Сорока едва успел пригнуться, и это спасло ему жизнь. Наскочивший на него огромный монгол вспорол воздух лезвием изогнутой сабли ровнехонько в том месте, где только что была Савкина голова. И тут же снова разящий удар с жутким свистом опалил холодком щеку.

Распаренный безумием, кое рычало, скрежетало, лязгало вокруг, сокольничий выбросил вперед меч. Сталь вошла меж ребер врага, и Савка, не успевший выдернуть клинок, явственно ощутил на нем судорожный трепет оседавшей плоти.

Плоское, как сковородка, лицо монгола разорвал немой крик. На краткий миг их взгляды скрестились. На Сороку мертво таращились из узких бойниц залитые болью и ненавистью глаза. Смуглолицый подломился в коленях, в горле его застряло проклятье.

...Мимо пронеслась вспененная кобыла, тащившая зарубленного Хлопону. Нога его запетлялась в перекрученном стремени, и лошадь несла ошалело в степь, мотая изнахраченное в кровь тело по щебню.

– Врешь, злодыга! Кр-р-руши песью шень!

Боевой топор Василя, умытый кровью, с плеча описал дугу. Страшный удар с длинным протягом развалил череп кочевника, как сосновую чурку, надвое.

И тут... враг дрогнул – не выдержал натиска. Еще двое пали под ударами русских мечей. Остальные бросились к лошадям. Их оставалось трое.

Савка с Тимохой, сыном галицкого кузнеца, попытались нагнать отставшего в длинной кипчакской кольчуге монгола, но тот не давал им приблизиться, лихо выпуская стрелы одну за одной, покада верхами не подоспели его ордынцы. Тогда он вскочил на круп коня и, цепко ухватившись за пояс своего соплеменника, издал победный клич Дикой Степи.

...Муть чугуном налила темя. В горле застрял тошнотворный ком, когда Савка вернулся к подводам. У костровища, поджав колени к груди, утробно хрипел ловчий Владимир (больше известный между своими как Разгуляй или Мочало). Под животом его курился жаром розовый с сизой прожилью глянец выпростанных кишок. Зола и песок густо забархатили этот пульсирующий корчю и мукой кровистый клубок.

– Отходит, спаси Господи... – Василий стянул с головы рысий треух, перекрестился. – Давай евось, робятня... на повозку, до кучи. Нехай там смертушку примет... Эй, Тимоха! – Зверобой растерянно огляделся окрест. – Сколь нас-то осталось вживе?

– Дак воть... трое и есть... Мы с Сорокой да ты, стал быть, кум...

– А Стенька Пест? Ужли... тоже?.. – Каменные скулы Василя задрожали.

– Не сумлевайся, – мрачно прозвучал ответ. – Тамось он... у ручья. Видал я... как евось примолвила гадюка-стрела татарская...

– Н-да-а... Подковал нас нонче степняк наперед. Воть тебе и «татаре», Савка... Бушь знать теперя, хто такие... зазнакомились. Благо хоть ты не оплошал, малый. Не твой бы дозор... всех бы под корень кончал тугарин. Ну-ть, давай... подымай его, паря... Шо плошки уставил? В Киев зараз скакать нады! Князей скорееча упредить: степь под татарами!

Савка без промедленья подхватил под мышки Владимира, но тот взвыл по-звериному, заклацал зубами:

– А-а-ха-а-а-а! Братцы, кончайте меня! Христом Богом молю! А-а-а-а...а! Мочи моей нема! Ну шо ж вы тянете, гады! До-бей...

Меч Василия оборвал страдания Разгуляя. Ловчий дернул лопатками и навеки затих. Однако ни ему, ни другим сложившим головы княжим добытчикам отправиться в последний путь к воротам града Киева было не суждено.

* * *

– Братцы! Татары!

Савка и кум Василий обернулись в ту сторону, куда указывал мечом Тимофей, и обмерли. Лица посерели от ужаса. На фоне алого неба, в полете стрелы от них, по гребню холма тянулась длинная молчаливая цепь всадников. Это были монголы – сомнений остаться не могло. Длинные копья, круглые щиты за спиной, натертые бараньим салом доспехи из кожи и шерстяные плащи, развевающиеся на ветру, словно крылья дерущихся беркутов.

Смертельная угроза читалась в их угрюмом молчании, дикая сила и неумолимая жестокость – в каждом движении.

«Язвы их сук в дышало!» Видавший виды Василий ощутил, как сердце засбоило, тоскою зажатое в кулак... Глянул на своих молодых сокольников и сдавленно прохрипел:

– Ну, ребята, дяржись!..

...Жуткое уханье, переходящее в вой: «Кху! Кху-кху-у-у-у!», прорезало тишину, и в то же мгновение кочевники, как хищные птицы, сорвались с гребня холма и скрылись в лощине. Их было около сотни – обычный татарский разъезд, какими Субэдэй-багатур и Джэбэ-нойон наводнили половецкую степь.

...Неистовая дробь копыт, словно треск сотен шаманских бубнов, заглушая душераздирающие вопли, приближалась с каждым мгновением.

Единственный путь к отступлению проходил через курган – заставу Печенегская Голова. Туда-то они и помчались.

* * *

Монголы, подобно пене ревущей волны, внезапно возникли на взлобье ближайшего холма и так же стремительно хлынули вниз...

Тимоха отстал. Его лошадь раскопытилась. Как на грех, впопыхах да всеу, он оседлал Горчицу – серопегую кобылу Стеньки Песта, которая прежде, на охоте, набила себе хребет, и теперь подседельная ссадина крепко давала о себе знать. А это обещало только одно – Тимоху ждала верная гибель.

...И Савка, и дядька Василий пытались через плечо отстреливаться из луков, да куда там... Они видели, как отчаянно отбивался мечом Тимоха, желая подороже продать свою жизнь, как пестрая волна захлестнула его, завертела в водовороте корсачьих³⁶ рыжих хвостов, конских грив, и вскоре над бурлящей лавиной взлетела и закачалась на длинном копье голова сына галицкого кузнеца.

...Беглецы резко, под острым углом повернули вправо, и татары рассыпались полумесяцем, желая взять «добычу» в оцеп. Дальше, к северу, шла холмистая местность; равнина была изрезана мелкодонными ложбинами, изъедена песчаными отвалами и ярками. Как только Сорока с Василием показывались на склонах – монголы тотчас посылали им вслед град черноперых стрел.

³⁶ Корсак – более крупный сорочич лисицы. Распространен в степях и полупустынях от Северного Кавказа до Забайкалья и в Средней Азии.

...Снова холм и снова лощина... За крупами запаленных коней вихрилась бурая пыль. «Вот! Вот догонят поганые!» – стыла мысль, и беглецы, сжимая тела в комок, липли к колючим гривам, касаясь оскаленными лицами жарких холков коней.

Внезапно сквозь завыванья монголов и свист стрел дядька Василий услышал вскрик сокольничего. Вражья стрела, пройдя краем, пропорола ему плечо. Кровь жадно окрасила белый рукав поддевы в темный брусничный цвет.

– Савка-а! Не смей! Держись, малы-ый! Маненько осталось! Дотянем до заставы! Там зараз наши!

Кум в отчаянии крутнулся в седле, пустил наудачу стрелу в густую, летящую следом цепь... Кажется, кто-то упал, но кони уже неслись под гору, и он ничего не узрел.

Лощина меж тем сузилась, как горло кувшина, – с обеих сторон теснины холмов, впереди невесть какая речушка, затянута по берегам камышом и ряской... «Господи! Только б коники не увязли! Спаси, Царица Небесная!»

Савка, бледный лицом, обернулся. Градом по сердцу долбанул топот монгольских коней. Хребтом ощутив колющий холод смерти, он крепче сцепил зубы.

...Промедление – смерть! Беглецы всадили шпоры в окровавленные бочины коней. Студеный каскад речных брызг обжег лоснящиеся от пота лица. Стрелы, как злые осы, жужжали над головой.

...Рывок, еще один... Кони, утробно захрапев, на подламывающихся ногах выскочили на другой берег. «Еще верста – и они падут», – мелькнуло в голове Савки. Сердце скакнуло к горлу. Глотку словно свинцом залили. Легче было двигать конечностями, чем думать.

На их удачу, дно безымянной речушки оказалось илистым, клейким, как та смола... Тяжело вооруженные, в кольчугах и броне, татары увязли. Переправа заняла у них четверть часа. Усталые низкорослые кони кочевников, быстрые на равнинах, вымогались из последних сил, взбираясь на сыпучий, глинистый берег, оглашая дол надрывным ржанием. Однако это никак не повлияло на решимость монголов. Погоня продолжилась в одержимом неистовстве. «Кху-у! Кху-у-у-у!» – несло по холмам злое, языческое, звучащее для беглецов приговором.

* * *

– Не могу больше... Оставь меня здесь... – захлебываясь кашлем, прохрипел Сорока. Загнанное сердце стучало в самые уши, ладони горели от сорванных уздой мозолей. – Уходи сам, предупреди князя...

– погоди ишо умирать, Савка! Скачи! – Кум, щелкнув плетью, поравнялся с гнедым сокольничего. – Скачи, я сказал!

– Да иди ты к черту под хвост со своей заботой! – зло прорычал Сорока.

Вместо ответа Василий стегнул его спине, а затем вытянул плеткой и Савкиного жеребца.

...И вновь они гнали коней, захлебываясь страхом, зноем и пылью, силясь уйти от погони.

Василий в бессильном гневе порвал ворот исподней рубахи, когда отчетливо понял: Савке Сороке не выдюжить этой гонки.

Слабость того росла на глазах. Он с огромным трудом удерживался в стременах, постоянно хватаясь одной рукой за луку седла.

«Твою мать!.. Ужли все зря?..» Пот, стекая из-под рысего треуха, застил глаза зверобою. Он слышал, как в барабанные перепонки колотился молоточками пульс. Ремни стремян невыносимо натерли ему голень.

...В очередной раз обернувшись, беглецы увидели, как длинная цепь язычников уже начала взбираться по лысому склону холма, и поняли: расстояние между ними гибельно сократилось.

– Соберись с силами, сынок! Осталось-то... кот заплакал! – Дядька торопливо бросил на тетиву стрелу.

– У меня... темень в очах... и в ушах... – прохрипел Савка, шатаясь в седле. – Спасайся один, кум... Я задержу их трохи... – Сокольничий потянулся к колчану.

– Нет, сукин сын, ты не помре! Довольно, шо мы этим стервятникам своих братьев скормили! – яростно дрожа ноздрями, зарычал зверобой и что было силы вновь обжег круп скакуна юноши.

Сам он развернул коня для стрельбы; верен глаз дядьки Василия, с детства «садил» он в цель стрелы страсть как хорошо. За то и был взят в княжки «добытчики». С тех пор уж кануло в Лету немало годов, выпал и растаял не один снег, но глаз Василия остался все тем же – верным, и не делали промаха его каленые стрелы. «Сей выстрел, – подумал он, – положит конец затянувшемуся кошмару, даже ежели станет началом другого». Он расправил онемевшие плечи, натянул свой верный тугой лук...

Синий ордынский плащ предводителя сотни на скачливом караковом³⁷ жеребце вновь показался из-за бугра, и... вязким гудом прозвенела спущенная тетива.

Стрела выбила из седла начальника сотни. Островежая шапка с чернобурими лисьими хвостами слетела и, подхваченная ветром, покатила по склону, точно тележное колесо.

Этот неожиданный мужественный отпор внес замешательство в ряды кочевников. Яростно потрясая оружием и оглашая равнину проклятиями, они осадили своих мохноногих горячих коней, задумав, по всему, принять какое-то срочное решение.

Стрелок Василий даром времени не терял, воспользовался сей передышкой и был таков...

* * *

Не дотянув с полверсты до сторожевого кургана Печенегская Голова, они остановили коней. Савка потерял столько крови, что едва ворочал языком. Василий помог ему спешиться, уложил на траву и перевязал свежим куском рубахи плечо.

Дальнейшее бегство было невозможно.

...Сокольничий насилу рассветил глаза, глянул мертво на небо. В раскаленной полуде небес, под снежным облачным гребнем, парил стервятник. Траурно взмахивая крыльями, простирая их, он ловил ветер и, подхватываемый воздушным стремящем, кренясь, тускло блистая карим отливом пера, плыл на запад, удаляясь, мельчая в размерах, истаивая в маково зерно.

– Заколи меня, как Разгуляя... – прошептал Сорока; повернул к зверобою свое бледное, осунувшееся от безмерных мук и усталости лицо с глубоко запавшими глазами. В них горела мольба.

Дядька Василий мрачно молчал, чутко прислушиваясь к глухому топоту копыт за своей спиной.

Внезапно он поднялся и, выдернув из кожаных ножен обоюдоострый меч, решительно подошел к своему Гороху, обнял его за подрагивающую шею и порывисто прижался щекой. Конь доверчиво стоял, уткнувшись бархатно-розовыми ноздрями в грудь своего хозяина, и со сторожливой печалью смотрел, будто прощался. Через минуту Горох тяжело рухнул на землю. Кровь хлестанула пузырящимся фонтаном из его распоротого горла. То же самое зверобой проделал и со вторым конем, предварительно подведя его к окровавленной туше.

Теперь на открытой, как ладонь, равнине у них было довольно сносный «укрыв», за которым можно было спрятаться от стрел и подороже продать свою жизнь.

³⁷ Вороной с подпалинами (желтизной на морде и пахах) – масть лошади.

...Василий жадно окинул взглядом млевшую под майским солнцем зеленую, обновленную молодыми травами степь. Лишь местами, под стать огородным пугалам, стоячились метелки прошлогоднего чернобыльника да жухлой полыни. Шалый ветер обдувал мореный, с жесткими складками морщин, лик зверобоя, трепал слипшиеся от пота седоватые пряди волос и как будто звал его за собою куда-то...

Дядька Василий смахнул проклюнувшуюся слезу и ободряюще кивнул тихо стонущему Савке:

– Я-ть думаю, малый, нонче не самый худой день Богу душу отдать. Не горюй, Сороченок, мы ишо повоюем. Иш-шо покажем им, кровожадам, кузькину мать! Вот подскочут ближэй, и ага!..

Он поскреб свой большой коршуначий нос и принялся не спеша натывать стоймя в землю возле себя стрелы, которые остались у них в колчанах.

– Кум... – Савка с трудом расстегнул медную пряжку душившего его кожаного нагрудника и попытался растянуть губы в улыбке. Он был до слез тронут участием Василия, который не бросил его, безродного сироту, и не оставил подыхать в одиночестве после того, как погиб в бою Савкин отец и померла мать. – Ты уж... прости, кум, ежели шо... Ты ж знаешь, я пыхаю, як береста...

– Знаю, сынок... а посему советую, до встречи с Господом... побереги его, огонь-то свой, значить. Стрелять сможешь? – Он приподнял крылатые брови.

Савка, оперевшись спиной в еще теплое, потное брюхо своего коня, согласно протянул руку.

* * *

Длинная цепь преследователей шумно выросла на гряде ближайшего бугра и странным образом замерла. Кое-где запаленные скачкой лошади вставали на дыбы, но в целом шеренга татар держала равнение.

Савка и дядька Василий переглянулись:

– Каково рожна... суки, медлют?

Монгольский разъезд продолжал оставаться на месте, сдерживая коней и глядя на беглецов так, как если бы они по меньшей мере поднялись из могил.

– Господи Свят!.. Ангелы небесные! Не может быть!.. – прохрипел Сорока, крепче сжимая рукоятку меча, и вдруг, задыхаясь от радостной блажи, навзрыд закричал: – Наши! Наши-и-и! Свои-и-и-и!

Василий обернулся, напрягая жилистую шею. Судорожно дернул заросшим буйным волосом кадыком... О, нет! Он не верил глазам: над сторожевым курганом Печенегская Голова клубилась большущая туча пыли. Потом она отделилась от земли, поплыла над степью и медленно рассеялась. И тут со всех сторон, вырастая словно из-под земли, показались первые всадники. Их группы сгущались, покуда не задрожала земля под копытами рослых коней.

Не сбавляя хода, киевская застава перестроилась в боевой порядок. В центре взвился и затрепетал на ветру пунцовый с золотом стяг – «Божией Матери Одигитрии»³⁸...

Двести ратников, закованных в кольчуги и латы, отгородили несчастных от преследователей. В какой-то момент старшина-воевода Белогрив дал знак, и стальной ряд дружины озарила во всю его длину яркая вспышка – это воины выхватили из ножен меча.

³⁸ Именно от таких древнерусских хоругвей, как Новгородская «Знамение Божией Матери», Смоленская «Божия Матерь Одигитрия», «Ярое Око», а также стяги воинов-защитников земли Русской Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского и Михаила Архистратига, позже в истории государства Российского берут начало и все боевые знамена легендарных русских полков.

А потом, сотрясая землю, застава бросилась вперед. Команды и крики к этому времени смолкли, и не было слышно ни звука, кроме сухого грохота сотен подкованных копыт да звяка пустых ножен.

Монголы некоторое время продолжали оставаться на гребне, словно околдованные зрелищем. Потом огрызнулись нестройной стрельбой из луков и, окончательно убедившись, что проиграли, шумно, точно стервятники, у которых отобрали добычу, погнали коней на юго-восток, к юртам своей орды.

Глава 4

Князь галицкий Мстислав Удатный поднялся с ложа, когда холодный рассвет только-только засочился сквозь тяжелые темные тучи на востоке.

Ветер с Днепра рябил ржавую поверхность застоявшихся луж, жирных и вязких, как смола. Время было проведать свою дружину, потолковать с воеводой Степаном Булавой о предстоящих ратных делах, а дождь не знал терпежу, все сыпал и сыпал.

Князь растер ладонью широкую, как у тура, грудь. Встал на колени, трижды перекрестился на образа: «...Пресвятая Троице, помилуй нас... Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святыи, посети и исцели немощи наша имени Твоего ради. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Аминь».

...И все равно не было покою, не было лада и мира на душе Мстислава. Тяжелые думы одолевали его: темное, грозное время приближалось к южным границам родной Руси... Черные вести приносила Дикая Степь... Неведомый доселе враг объявился с востока – лютой, безбожный язычник. Люди, бежавшие из степи, на разные голоса вещали одно: «Числа сему ядовитому, злему семени нет! Аки голодные волки, рыщут оне по земле... Милости и добра отродясь не ведают, почитают лишь кровь, грабеж и насилие, зовутся “татары”, и ведет сей злобный народ виду ужасного краснобородый хан Чагониз! И есть ли он человек, аль упырь, али нечистый дух, – никто не знает...»

Князь свел воедино темно-русые крылья бровей. Его синие, как воды Днепра при ясной погоде, глаза потемнели. Прислугу кликать не стал – отродясь не терпел, – сам стал облачаться, натягивать сафьяновые сапоги, когда за высоким окном послышались голоса поднявшейся вместе с зарей челяди. На крепостных колодцах калено гремели ведра и перекликались теплые после недавнего сна женские голоса. Над сырыми крышами теремов и храмов поднимались пушистые дымы и таяли в оловянном бесцветье неба.

«Где добытки? Бес их носит, чертей окаянных... Куда запропастился Савка Сорока? Уж трижды воротиться могли, – сокрушенно вздохнул Мстислав. – Ну, дайте срок... будут вам почести, дармоглядые... княжий кнут в обнимку с вожжой...»

Он плотнее запахнул багряный кафтан, надел соболью шапку с золотой горбастой бляхой своего Углича, пристегнул к поясу легкий меч и еще раз перекрестился на строгий, беспристрастный лик Спасителя.

Длилось это занятие всего ничего, ан в памяти ударили гулкие колокола... точно стайка быстрокрылых стрижей, пронеслась череда последних событий. И как от киевского стола³⁹ ко всем южным князьям были посланы гонцы на ретивых конях сзывать силу ратную на защиту земли Русской; и как он сам, после долгих колебаний, выдвинулся со своей дружиной в Киев, на съезд больших и малых князей...

В душе он где-то сочувствовал своему тезке – великому князю киевскому Мстиславу Романовичу, последнему из славного рода Мономаховичей. Шутка ли – принять в своих обедневших хоромах с честью и княжеской широтой «гурт» именитых гостей... Принять и их прославленных витязей... Ведь каждый князь являлся на съезд со своей дружиной... И чем выше был князь, тем с большей свитой он ехал. «Да... забот полон рот, – желчно усмехнулся Мстислав. – Ныне не та сила у Киева, как век назад, в пору правления Мономаха. Тогда под его десницей была без малого вся Русь... И Киев, и Суздаль, и Смоленск, и Переяславль с Ростовом, и даже далекий богатый Новгород – кланялись в пояс великому князю киевскому... Да что там, принадлежали ему всецело, как говорится, со всеми потрохами. Тогда и половцы, и хазары знали место! Боялись Киева, как огня. По всем рубежам он, белокаменный, разнес славу рус-

³⁹ Здесь: престол, княжение в Древней Руси.

ского имени. Эх, кабы ныне так!.. – Мстислав вздохнул и, покусывая кончики усов, блистая глазами, мечтательно улыбнулся. – Вся Русь: и юг, и север, – единый стальной кулак! Сбудется ли мечта? Иль вечно нам по разные стороны быть?.. Еди-на-я Русь... Да я б кровь свою червонную до капли выщедил, чтоб дожить до такого... Эх, огонь жаркий мне сердцевину жжет...»

Он подошел к распахнутому окну-бойнице, глянул хмуро на слякотный двор, на людскую суету, и подумал: «Как все же хлипко да зыбко устроен мир. Вот был прежде Киев... да весь вышел. Не так уж много и годов прогремело, ан на тебе – род Мономахов издробился, як просо... То куры поклевали, то свиньи пожрали, а то вражина пожег... Князя роздали города и волости своим сыновьям, племянничкам, внукам, ей-богу, как на Пасху сласти... И что? С чем теперь остался Мстислав Романович? Владеет Киевом урезанным да хилым. И Киев, град его златоглавый, не тот уж боевой жеребец, а мерин выхолощенный. За последнюю четверть века только ленивый не точил меч на Киев. Набеги и разгромы своих же, православных князей истожили мать городов русских...»

И то правда: «Стонал и зализывал раны Киев не раз. Шли на него и владимирцы, и галичане, и суздальцы, и призванные чернодушными князьями дикие половцы... И все они грабили, жгли, сильничали и зорили древнюю столицу»⁴⁰.

Так было... И многие шрамы, рубцы, бреши и выбоины от тех рубок и боев мог наблюдать сейчас из своей высокой горницы галицкий князь.

Тяжким и непосильным грузом оказалось для киевлян возрождение своего стольного города после стольких нашествий. Много улиц и теремов, башен и храмов и теперь хранило следы пожарниц и разрушений...

Но в эту годину новая беда, куда более страшная, надвигалась из Дикой Степи... И она грозила не только Киеву, но всей Русской земле. «Страх перед этой грозой и собрал вместе непримиримых князей, гордых и упрямых, враждовавших между собой всю жизнь из-за лучшего простора, более доходного города, людной волости. Теперь и старые враги, коварные половцы, сами с поклоном бежали в Киев, прося подмоги»⁴¹. Их огромные лагеря буквально заполонили поля и подъезды к городу. Тут и там курились дымами их юрты, шатры, скрипели повозки... А сами они, угрюмые и поникшие, сидели на корточках, сбившись в огромные толпы, и ждали милости, ждали упорно ответа княжеского двора.

...Мстислав собрался уже было задуть перед уходом светильники, когда в сенях раздался частый скрип половиц, и незапертая дверь приоткрылась.

– Княже пресветлый, дозволишь? Это я – Булава, воевода...

– Поздно дозволенье испрашивать, коль за порог шагнул! Да проходи, Степан... Как там на княжем дворе?

– Эх, зараза, так и не распогодилось небушко... Здравия желаю, защита-князь! Как спалось, Мстислав Мстиславич?

Седоусый матерый ратник, с буро-сизым сабельным шрамом через левую скулу и бровь, поклонился в пояс. Князь тепло приобнял старшину и молвил:

– Слава Богу, Степан, без снов. Но ты мне зубы не заговаривай, воевода. Что, до дружины дойдем?

– Да погоди, пресветлый, успеется. Я-ть только от них... Все добром. Пушай хоть мальца уймется проклятый. – Булава стряхнул с серого плаща дождевую россыпь, снял с головы стальной шлем со следами былых боев. – Погутарить бы трошки след... да чайку испить? С рассвету маковой росинки у рте нет.

Сели на лавки друг против друга за широкий дубовый стол, накрытый белой кистючей скатертью.

⁴⁰ Ян В. Чингисхан.

⁴¹ Ян В. Чингисхан.

Посыльный – тут как тут – по кивку князя тотчас сладил «купца» на мятном листу, принес и орешков в меде, и прочих капризных заедок.

* * *

...За чаем слов не роняли, сосредоточенно дули на кипяток, делая осторожные глотки. Мстислав Удатный знал Степана Булаву вот уже без малого сорок зим, почитай, с самого нежного детства, еще по торопецкой и новгородской⁴² поре; уже тогда Степан, сын оружейника, был правой рукой отца Мстислава.

Воевода был крепкого русского духа и силы человек. Воин по призванию, «по природной жиле», как говорил народ. В бойцовом сердце его жила неугомонная страсть к победам во славу своего князя, во славу Русской земли. Страсть эту он превратил в свое коренное дело. Им только и жил. Да и воины-дружинники, ходившие под ним, подбирались не с кондачка, многие не приживались: воевода был крут в своем ратном рвении; те, кто давал послабку своей воле и мужеству, – гибли в сечах, другие просто уходили, затаив злобу; но зато те, кто оставался, не хаяли свою служацкую судьбу и прикипали к старшине намертво.

Князь Мстислав помнил: своим удачным победам над дерзкими уграми и спесивыми ляхами он во многом обязан Степану. И если характер и господскую хватку он выковал еще под крылом отца, то закалил ее у воеводы.

Цепкая память князя держала суровое, но вдохновенное время первых рубежей, когда в походах на юг и запад закладывались камни его будущей славы. Там лилась рекой кровь, но поднимались в небо и пенные кубки за победы русских мечей и знамен. Оттуда, с высоты своего триумфа, зрили они сквозь забрала на сводящие с ума просторы новых границ земли Русской, завоеванной ими своей кровью, отвагой и великими страданиями.

– Ты что такой постный, князь? Хоть просvirки из тебя лепи, – тронул Мстислава вопросом Степан. – Вьюга тебе, шо ли, в лицо заглянула?

– Не бреди душу. – Мстислав отодвинул испитую кружку. Взгляд его вспыхнул на миг, но тут же погас, как искра, на которую наступили ногою. – Вот уж скоро совету быть в палатах Мономаховичей... а что-то не видно союзных князей с дружинами... Мы да ростовчане с молодым князем Василько явились на зов Киева... А может, на посмешище? Где суздальцы? Где их князь Юрий Всеволодович? Али грибами объелся, что гордыней и спесью зовутся?! Так гордыня и у нас в избытке имеется... и ножны наших мечей не заткал паутиной паук! У меня тоже – старые счеты с двоюродным братцем... Однако ж я в Киеве... Русь-то одна!

– Остынь, княже! Будет из-за сего кручиниться. Гляди, уж и так стал темнее тучи. Приедут князья! Куды им деться? Уж не думает же суздальский князь, что татарва, придя на Русь, обойдет его стороной?

– А вот и вопрос!.. – Мстислав мстительно сузил глаза. – Каждый нынче промышляет о своей голове... Я слышал, этот надменный суздальский гордец алчет съезда у себя во Владимире... а потому и не едет на совет в оскудевший Киев.

– Може, и так... – кашлянул в усы воевода. – Тю, властолюбец чертов! А ведь суздальцы, владимирцы – сильная подмога... Ежли татарев истинно тьмушшая... где ж нам двинуться в степь без них? У Василько Константиныча копий не густо – панцирников горсть, а верховых и того меньше... Да и сам он дите – недавно из отроков вышел. Усы ишшо нежные, в сыны годится тебе. Вся надежа на Божью милость! – Голос Степана Булавы прозвучал отрезвляюще

⁴² Мстислав Мстиславич Удатный (Удалой) был не только галицким князем, но и торопецким, и новгородским; прославился военной доблестью и борьбой против кипчаков (половцев), монголо-татар, немецких рыцарей, польских и венгерских феодалов. Явился инициатором выступления против монголо-татар в союзе с половцами. В битве на реке Калке в 1223 г. возглавил русский авангард.

горько, но крепче резанули по сердцу другие слова воеводы: – Вот ты глаголешь, пресветлый, защитники мы... – Старый воин наморщил лоб, задумчиво оперся рукою на средокрестие меча. – А вот скажи по совести, княже, кто? Кто знает о наших с тобой бедах и чаяньях там, на севере Руси? Разве все тот же треклятый суздальский князь, дак и он околот южной Руси мыкается... А шо ж сосед наш северный? Коломна, Рязань, Москва и другие... Аль в ихних жилах басурманская бьется кровь? Где ж их секиры и копыя?! Слышат ли оне, знают ли?..

– Врешь, Булава! Ишь ты, распыжил брови! – Глаза Мстислава вспыхнули гневом. – «Кто знает? Кто вспомнит?» Гляди-ка, забила его, старого черта, лихоманка! А я тебе скажу кто! Дети наши, святые хоругви наши, Господь Бог и потомки... право, недурная братия, а? Родина – она, воевода, никого не забывает. А все наши старания и помыслы... для нее. Ты думаешь, что я здесь шапку ломаю? Да и ты? Нет, друже, не свою мошну набить. Мы здесь с тобой не временщики, не наемники, не воры! Знамо дело, богатыми не станем. Заслужим сто – проиграем тыщу... Так ведь не в сем счастье наше, Булава. Аль я не прав?

Князь громыхнул лавкой, обошел стол, обнял спешно поднявшегося воеводу за высокие плечи:

– Как бы ни было, не горюй, старина. Ежли не мы, то кто?.. Мы ли не в стане воинов рождены и крещены русским именем?! Постоим за Русь! Покуда у нее есть верные сыны – она как у Христа за пазухой... Ну-т, что там у нас, развиднелось, похоже?

И тут на звоннице Святой Софии бухнул набатный колокол. С княжеского двора послышались крики и восклицания: «Едут! Еду-ут!»

Мстислав вспыхнул взором:

– Ужель услышал наши молитвы Господь? Никак, суздальцы прибыли! Встретим, Степан... Все краше, чем тут взаперти душу рвать.

* * *

Однако ожиданиям горожан не дано было сбыться. «Эх, начали за здравие... кончили за упокой». Шум и гам на княжем дворе случился совсем по другому поводу. Нет, не суздальцы и не владимирцы пожаловали в Киев...

...Поутру к южным воротам столицы на загнанном коне, забрызганный до бровей грязью, примчался гонец. Жеребец рухнул у самой заставы, в его распоротых шпорами боках копошились черви.

Стража свезла к палатам киевского князя чуть живого посланца. Лицо его было словно обуглено страхом. Изгвожденный ветром и дождем, он слабо хрипел одно и то ж:

– Татары... идут!.. Та-та-ры... близко...

* * *

Его отмыли, влили в глотку добрую чарку ядерного горлодера; чуток привели в чувство, и лишь тогда в гонце кто-то из челяди с сомнением признал княжеского добытчика – Перебега. «Да только тот... отправляясь в степь, – пояснил дворовый холоп, – то бишь наш Перебег, был черный как смоль... а энтот седой совсем... белый как лунь, и старый».

На вопрос: «Где остальная братия?» – ответ был прям и краток:

– Их всех... свеживали... заживо...

Толпа охнула, обмерла, зароптала, истово осеняя себя крестом. В глазах горожан замерцал суеверный страх. Черная весть расправила крылья, полетела по Киеву...

– Эй, прочь с дороги! Пшли вон!

В толчее засверкали шлемы и щиты дружинников; все как на подбор – видные, статные, в густых тяжелых кольчугах со стальными пластинами на груди, при копьях и длинных мечях. Во главе их шел Мстислав – решительный и быстрый.

– Будет каркать! Чего без пути лаять! Тихо! – Он на корню оборвал причитанья и плачи, огласившие площадь. – Говоришь, «свежевали» дружков твоих любых? – Колкий взгляд проныцательных глаз впился в рябое лицо гонца, лежавшего на овчине в телеге.

– Истинно так...

– А чем же ты лучше других, собака, что шкуру свою уберег? – Князь схватил за грудки зверобоя. – Медом намазан?! А может, ты, злодырь, поганым продался? Отвечай, пес смердячий!

Мстислав оттолкнул Перебега прочь, чувствуя, что еще миг – и он потеряет над собой власть.

– Не вели казнить!.. – Киевлянин затравленно зыркнул безумным звероватым взглядом на князя, тщетно пытаясь придать голосу крепость; седая прядь подпрыгивал на сером лбу, но он продолжал завороченно тарашиться на дышавшее гневом лицо Мстислава. – Вживе я... лишь потому, что весть от них... должен передать...

– Так говор-ри! Черт тебя гложет! Чему они тебя заучили?!

Перебег с готовностью затряс головой и, турсуча⁴³ узловатыми пальцами косматую бороду, зачистил:

– «Урусы, сложите оружие! Конязи⁴⁴, готовьте дары и ключи от городов ваших – южных и северных... И ждите в смиренности лучших из лучших людей, которых рождала земля. Мы – непобедимые багатуры степи – Великого Кагана. Наш повелитель и отец хан Чагониз, что значит “Посланный небом”. Мы разгромили и обратили в бегство полмира: сотни непокорных племен и десятки народов... а их упрямых вождей... сварили живыми в наших походных котлах... Будьте благоразумны, урусы... и мы даруем вам жизнь. Помните! Вас предупредили! Теперь вы знаете волю владыки народов, “Потрясателя Вселенной” – Великого Кагана... И не говорите потом, что не слышали! Мы идем. И скоро вся Русь услышит топот наших коней».

Перебег замолчал, не смея поднять глаз, кожей чувствуя, что галицкий князь не спускает с него грозного взора.

– Это все, что ты слышал, холоп?!

– Как на духу! Вот крест... Е-ежели я шо и забыл... всезнающий княже, прости... Не губи меня, темного, неспособного смерда.

– А Савка Сорока? Василий Верста?! Добытчики мои где?..

– Не знаю, пресветлый... Разъехались мы по разны стороны... Оне своим табором... мы – своим...

* * *

Оставив зверобоя на откуп толпе, Мстислав отошел прочь от подводы. Задержавшись под решетчатым навесом, в углу раздольного двора, он долго стоял там со своей стражей и тихо беседовал с воеводой.

– Ну-т, шо думаешь по сему, княже? – изломав бровь, невесело усмехнулся старшина. – Отгоним гибель?

– Ежели все станем рядом – плечо к плечу... да половецкие орды помогут. Чай, несладко им, коль жмутся под стенами Киева.

⁴³ Теребя (устар.).

⁴⁴ Князья (татар.).

– Эт правда... А правда ли то, шо мнят о себе татары? Уж больно все это похоже на сказку. «Непобедимые», «покорители мира»... Брехня. Эва, загнули куда. И шо ж это за подсюк такой «Великий Каган», как евось, дьявола?.. Ах, да – Чагониз! Шо за людыны его татары? Может, вои⁴⁵ простые, попроще, чем половцы. Сколь их до кучи?

– Сколько травы во степи.

– Да полно, княже! Думаешь, нехристи не надули в уши... этому голошапу? Тьфу, забудь... У страха глаза велики.

– Кто знает, воевода. Но поседел-то этот бродяга, видать, не от смеха. Лютый, жестокий враг пришел в половецкую степь. Слышал я тут... – Мстислав понизил голос и заглянул в стерегущие глаза воеводы. – Глагол держали два старца... Их привели с пристани в палаты великого князя киевского его дружинники.

– Ну, и? – Булава насторожился, сабельный рубец на лице налился жаром.

– Так вот, сказывали они: дескать, собака-хан этот, главный язычник...

– Чагониз?

– Он самый, – издал указ, по оному все племена, покоренные им, отныне являют единственный избранный небом народ, имя ему дано «монголы», что означает «побеждающие»... Все ж остальные: и угры, и прусы, и ляхи с булгарами, и мы – русичи, должны стать их рабами. Тех, кто подымет секиру иль меч, – Чагониз сотрет в пыль, и останутся жить на земле в благоденстве и сытости одни лишь монголы.

– Оне же татары?

– Выходит, что так... Черт их разберет. Одно нечистое племя. Девиз их тоже написан кровью: «Идем войной на соседний народ! Мы вернемся сытыми и богатыми!» Войско татар несметно – пухнет день ото дня, роится, как осы... Это уже не сказка, брат воевода... И скоро нам всем убедиться придется, что все это правда.

– Да уж... – подавленно выдохнул воевода, брякнул снятой стальной перчаткой. – Обезоружил ты меня, княже. А я без оружия, ха... почитай, как баба с задраным подолом, – голый. Ай-й! Шоб им нож в горло... Разворошил ты мне сердце...

– И что ж оно тебе кажет?

– Не пойму... Только темно на душе...

– Вот и мое сердце вещает что-то ужасное.

Мимо прогромыхали крытые рогожей повозки со снедью. Следом прошел суровый конвой, звякая мечами, и скрылся за углом княжеского арсенала.

– Однако готовится Мстислав Романович к съезду. Не теряет надежу... – Воевода, как волк, не поворачивая шеи, проводил взором киевских ратников, расправил кулаком поникшие усы: – Пойдем, княже, к своим... Глянем, шой-т наши соколы за кормы клюют.

И они пошли под грай церковного воронья. Ветер-степняк нес горловой стонуций клекот над Киевом, а еще выше, над черным всполохом траурных крыл, напоздали с востока темные груды туч, пядь за пядью пожирая чистую бирюзу небес, точно их самих против воли гнала какая-то неумолимая, страшная сила.

⁴⁵ Воины (устар.).

Глава 5

...Последние зыбкие тени уходящего дня ложились на гребни холмов, и ожерельем малиновых углей их осыпал закат. На смену недолгому сумеречью с диких равнин кралась густая пелена мрака. К северу от Залозного шляха, что издревле служил торговым путем от Азовского моря к Дону, там, где виден остров Хортица, стояла на дележе добычи разбойничья ватага бродника Пლოსкини.

До прошлого года в травень, червень, липец и серпень⁴⁶ он и вправду занимался перевозкой на парамах и стругах дорожных путников и купцов. Еще раньше на пограничных заставах его знали как Пლოსкиню-лошадника. Сын торопецкого шорника пригонял в Киев табуны кипчакских коней; слыл он у половецких ханов и за толмача. Но уже тогда на киевских торжищах-толкунах он сыскал себе недобрую славу наглого, нечистого на руку пустобреха, продававшего запаленных, изноровленных коней.

Однако то хлопотливое, полуголодное времечко безвозвратно кануло в Лету. Прикинув «хвост к ноздрям», Пლოსкиня быстро смикитил: «Отнять проще, чем заработать! Зачем горбатиться, гнуть спину? Сносить униженья и ждать, когда тебе с богатого стола, как шелудивому псу, швырнут мозговой мосол? Зачем всю жизнь копить медяки, когда в руке есть кистепериль вострая сабля?.. А с нею-подружкой и золото, и серебро, и прочее добро купеческое – все твое, живи – не горюй!»

Сказано – сделано: Пლოსкиня окружил себя беглыми татями и лиходеями, по коим плачет петля. Их было немного – дюжина, вместе с ним – чертова, но от них исходила какая-то зловещая сила, безмолвно признаваемая всеми. Даже среди суровых, привыкших ко всему «коренников» пограничья Пლოსкиня и его шайка в овчинных обшарпанных полушубках выделялись своей жестокостью и кровожадностью, под стать диким половцам. Тогда же отпетое братство избрало его за силу и смекалку на разбойничьем кругу своим вожаком... Прошло не более года... но о волчьей стае Пლოსкини уже предпочитали в округе говорить шепотом. Пლოსкиня, или Залозный Оборотень, как еще с суеверным страхом называли его в рыбачьих артелях, внушал ужас своими разбоями и клятвами отомстить. А это обстоятельство на стыке границ киевских застав и Дикой Степи было столь же весомо и однозначно, как голос смерти.

...Но на сей раз «убивцам» Пლოსкини никого не пришлось выслеживать. Нежданно-негаданно богатая добыча сама пришла в руки – и от них, притаившихся в камышах, потребовалось лишь терпение и выдержка степных падальщиков.

* * *

Отправляясь на разбой по Днепру на отбитых купеческих стругах, они в полдень причалили к степному берегу реки, чтобы дать роздых гребцам, утолить голод и осмотреться.

И тут... шерсть на их волчьих загривках поднялась дыбом.

Сначала они увидели половцев. Их длинный караван спешно разворачивал свои повозки на север – к Киеву; пастухи сбивали в огромные гурты скот со знаменитым на всю степь тавром хана Котана: след копыта в виде полумесяца и под ним две стрелы.

...Мимо пронеслись табунщики, гоня впереди гривастых коней, а следом появилась половецкая конница – тьма египетская, тысяч пять сабель, не меньше. У воды на три версты все заволочло тучами пыли. Рев скота, ржание лошадей, лязг оружия.

⁴⁶ Древнеславянские названия месяцев: май, июнь, июль и август.

...Потом из своего укывища разбойничья братия углядела с десяток, а то и более, черных, как ворон-цвет, столбов дыма, поднимавшихся над степью в небо.

Половцы огласили берег злым воем: это горели их повозки, отбитые и разграбленные татарами. А кто не знает – для кочевника этот «корабль степи» и дом, и крепость, и альков...

И тут Плюскиня раздул ноздри, взгляд его прикипел к холмам – он, как и его шатия, впервые видел татар, о звериной лютости коих ходило немало легенд.

Их отдельные отряды на низкорослых диковинных лошадях стали появляться из-за бугров и сгущаться на равнине. В янтарном знойной воздухе было отчетливо видно, как бойко пронеслись всадники между отдельными отрядами, как горели на солнцепеке их круглые металлические щиты, незнакомого кроя стальные доспехи и шлемы.

...Половцы, запаленные действием, вскинули луки – огрызнулись стрелами, выбив из седел с десяток наездников. Но тут же сотня монголов, точно камень, выпущенный из пращи⁴⁷, вылетела вперед и накинулась на стрелков.

Все скрылось в плотной завесе пыли – будто свет солнца померк. Слышались только жуткие стоны, яростный лягз оружия и скрежет зубов.

...Ветер мгновеньями относил пыль, и тогда было видно, как высоко взлетают и падают разящие полосы стали.

Вдруг разомкнулось, подобно железным челюстям, рычавшее в безумстве человеческое месиво, качнулось в сторону, затем в другую, и снова – бранные вскрики, проклятья и рев огласили пологий склон...

Но вот развеялась пыль, и на том месте, где только что звенели мечи и сабли, где сшибались копыта и бились полные жизни и отваги сердца, выросла гора изрубленных тел. Последний половецкий джигит рухнул наземь, и конь с седлом, сбившимся под брюхо, нелепыми скачками понесся прочь по равнине, взягивая задними ногами.

Зловещая тишина распахнула крылья над гудящим ристалищем, но лишь на миг... Над плотными рядами татар взмыл треххвостый бунчук в твердых руках Джэбэ-нойона, вселяя в воинов стальную отвагу.

Над половецкими шлемами тоже воинственного взлетели к небу пестрые значки⁴⁸, и по приказу старого хана Котана тысячи воинов бросились в наступление. Исполняя волю всеильного и высочайшего повелителя, половецкая орда стала вытягивать вперед свои фланги, как изгибающиеся руки, чтобы взять в «клещи» врага. Но монголы не дрогнули, не повернули коней. Напротив, они остались на месте и не пытались вырваться из стремительно смыкавшегося кольца.

«От лагеря отделился первый отряд монголов. Тысяча сомкнутых всадников, по сто человек в ряд, устремилась на низкорослых лохматых лошадях, покрытых железными и кожаными панцирями. Они неминуемо должны были прорвать нестройную, колеблющуюся линию половцев, широко растянувшихся по степи.

– Кху-кху-кху-кху-у! – слышался звериный рев монголов.

От основного куреня оторвалась вторая тысяча и покатила по степи. На солнце вспыхивали слепящим блеском стальные шлемы, металлические щиты и изогнутые мечи»⁴⁹.

...Старейший половецкий хан – хозяин степи Котан – казался спокойным и величавым, сидя в седле своего туркменского скакуна с красным хвостом⁵⁰. Оставаясь на возвышенности

⁴⁷ Ручное метательное оружие, широко распространенное в древности у большинства народов. Состоит из ремня (из кожи, луба, хлопка, шерсти и т. д.) с расширяющейся средней частью, в которую закладывается метательный камень или свинцовый шарик. При метании пращу вращали над головой и затем, выпуская один конец, давали полет камню.

⁴⁸ Разновидность стягов у кочевых народов Средней Азии, Приазовья и Северного Кавказа.

⁴⁹ Ян В. Чингисхан.

⁵⁰ Хенна (хна) – красно-бурая краска, которой в древности на Востоке красили ладони, седеющие бороды, усы, а в походе – хвост коня.

вместе со своими приближенными, он наблюдал за боем, и только потемневшие скулы да беспокойно бегающие глаза выдавали тревогу и все нарастающее отчаянье хана.

Он прекрасно видел, как от общей «тьмы» татарской конницы отсекался отряд за отрядом и неудержимо, словно горный поток, несся вперед с хриплым, душераздирающим боевым кличем «кху!».

...В какой-то момент половцы заметались. Крайние сотни повернули морды коней к лагерю грабить монгольские обозы. Но от ставки Джэбэ-нойона мгновенно отделилась еще одна тысяча и так же легко и ровно понеслась наперерез половцам. Оба отряда сшиблись насмерть.

Желто-бурое облако пыли окутало место сечи. Оттуда, как из горящего улья, стали осами вырываться отдельные половецкие всадники и, прильнув к гривам коней, опрометью уноситься в степь.

– О, боги!.. Подобного этому я не зрил никогда! – поднимая на дыбы своего «туркмена», в бессильной ярости воскликнул Котан.

В парчовом малиновом чекмене, подбитом соболем, в тисненном кожаном шлеме, опущенном красной лисой, и в червлёных сапогах, расшитых серебряными нитями, он разъезжал туда-сюда по холму, то и дело хватаясь за рукоять кривой сабли, сверкавшей алмазами, и впиваясь глазами в клубящуюся пылью даль.

...Между тем четыре отряда монголов один за другим в жестком, стройном порядке взяли направление на сердцевину развернутых половецких войск, на ту возвышенность, где находился Котан и его свита.

Взрывы монгольских возгласов «кху-кху-кху!» застучали набатом в ушах хана. Все ближе и ближе!..

«Кто сможет остановить эту проклятую лавину?!» – Котан крутнулся в седле. Его верных защитников рядом не было. Все они направили своих коней в сторону битвы. Один лишь воевода Ярун с тремя сотнями личной охраны хана ждал его приказаний.

– О небо! Покарай нечестивых псов! Вперед! Убейте их! Изрубите! Слава и почести вам подмога!

– Ай-я-а! За мной, джигиты, у кого сердце барса в груди! – крикнул Ярун, и воины на горячих конях тесным кольцом обхватили его.

Вспыхнул меч Яруна – это был знак начала атаки.

...От внезапности нападения ряды монголов смешались. Словно беркут, кружил Ярун по полю брани, опьяненный схваткой, и быстро погасал свет солнца в очах тех, кого настигал его меч.

Окруженный надежными молодцами-аланами⁵¹, храбро бился Ярун, показывая пример бесстрашия; но половцы, уже сполна вкусившие бешеный натиск татар, – бежали.

...Непобедимый Котан был на грани безумия. Его лучшие, испытанные силы бросились навстречу монголам. Но те задержались ровно настолько, чтобы прорубить себе русло, и хлынули дальше, к той высоте, где находился главный половецкий хан.

...Из жестокой рубки, как из огненного чрева Иблиса⁵², выскочил на коне Ярун; вид его был ужасен – глаза залиты черной кровью, рот перекошен в зверином оскале:

– Спасайся, Высочайший! Сегодня не наш день! Боги от нас отвернулись...

Котан взмахнул плетью, храпевший быстроногий скакун сорвался с холма вниз, точно подхваченный ветром, понесся на север вдоль мерцавшего Днепра...

⁵¹ Аланы – скифско-сарматские племена, обитавшие со II–I веков до н. э. в причерноморских степях и на Северном Кавказе. Побежденные гуннами, они приняли участие в великом переселении народов, частично переселяясь в V веке вместе с готами в пределы современной Венгрии, а частично вместе с вандалами в 409 г. в Испанию. Кавказские аланы – предки современных осетин.

⁵² Дух зла, коварства и тьмы, упоминается в Коране.

За малиновым чекменем повелителя ринулись скопом его приближенные, побросав бунчуки и стяги. Испуганно гремя дорогими доспехами, сбруями и бубенцами, они едва не были опрокинуты собственной конницей. Та вынеслась следом из жерла лощины и раскатилась сыпучим горохом.

С ревом ужаса и отчаянья они лупцевали коней; сбили и смешали толпу прислуги, лихо-радочно пытавшуюся спасти ханский обоз...

Осатаневшие кони измолотили копытами в кровавый фарш раненых и отставших... На осиротелой высоте остались лишь яркие клочья персидских ковров с искореженными золочеными блюдами, серебряными пиалами и халвой, перемешанной с пылью.

* * *

...Потрясенные до мозга костей произошедшим, люди Плоскини жадно наблюдали из своего камышового скрыва за дальнейшим ходом событий.

Отдельные стычки то тут, то там еще продолжались. Отбившееся крыло половецкой орды, потеряв всякую надежду воссоединиться со своими, с боем уходило на юг.

Его атаковали летучие отряды татар. Подобно волчьей стае, они набрасывались на обескровленную, но еще огрызавшуюся добычу; вырывали из ее холки, ляжки или грудины кусок пожирнее и, рассыпавшись, отходили прочь... То внезапно, по команде повернув коней, вновь и вновь стремительно вгрызались в измотанного противника.

...Близился вечер. Косые лучи низкого солнца зарумянили пропитанные кровью берега Днепра. От косогоров и холмов потянулись длинные, костлявые тени, когда из стана Джэбэ-нойона слышались призывные звуки медных труб, и отряды монголов, разом потеряв интерес к половцам, умчались в свой лагерь.

* * *

...И вот место побоища опустело. Со всех концов померкшей равнины неслись страшные хриплые стоны и призывы о помощи... Дух смерти бесшумно витал над степью. Едва ли не треть половецкого войска ранеными и убитыми полегла в этой сече.

– Наконец-то все угомонились. – Плоскиня хищно осклабился, на миг прикрыл уставшие глаза. Вкушая тишину, не в силах поверить своей удаче, он чувствовал, как бешено стучит сердце и кровь в висках, шее, в груди – тугими толчками, все чаще и чаще... «Чтоб вам всем на ноже поторчать... Силы небесные! Да я же теперя... богатей самого князя киевского... Токмо нагнись! Подыми злато да серебро, снеси в ладью... Твою мать!»

Плоскиня открыл глаза. Нет, не сон! Те же лббые сердцу картины. Он глянул направо, налево, настороженно вслушиваясь, – не раздастся ли шорох, треск ветки, топот копыт или еще какие-нибудь звуки. Нет, никого. Тишина, только треск крыльев могильников, не поделивших добычу, да стылое карканье воронья.

– Как думаешь, пора? – Оторвяжник Гурда, сжимая в руке кривую половецкую саблю, заглянул в глаза броднику. – Терпежу нет! Гля-ка, добра-то сколь! В зобу дыханье спират... Мать честная! Тут впору княжий паром зачаливать...

– Да семь ден гонять евось, дурака... туды-сюды, як лысого в кулаке, поку сам копыта не бросишь, – глухо гыкнул в рукав Кистень и, поблескивая в сумеречье лихими светлыми глазами, прилип к жожаку: – Нуть, шо, трогаем на «раздел», Плоскиня?

Но тот зыркнул таким взглядом, что варнак только ляскнул зубами и отшатнулся в сторону.

– Я тебе «трону»! «Раздел» ему подавай!.. – Бродник сбил на затылок бобровую шапку; налитые дурной кровью глаза схватили и обожгли всю братию разом. – То, что половецкие псы

бежали... то без спору... – прохрипел он. – Назад не сунутся, а вот энти волки саблезубые – тут бабка надвое чихнула... Вона за теми ярами – ишь, небо огнем взялось, – то стан ихний, как пить дать. Хрен кому оне отдадут свою лытку говяжью, кровьями умытую! Все видели, тугарин тутось не чай гонял!.. И евось голов зело поубавилось. Чую, братья, нонче оне залижут раны, а завтре – чуть свет возвертаются. Все подберут бритвоглазые, до зернышка, ей-бо...

Плюскиня вдруг поймал на себе внимательно прищуренный взгляд Кистеня и насторожился. «Как в степь выйдем, держи его пред собою, волка», – зарубил он для себя и тут же с лихорадочной радостью выдал:

– А посему времечка на «гы-гы» и «ху-ху» у нас нет, Кистеня... Как нет у нас права и под вражий булат свои буйны головы подставлять. Времени у нас – кукиш! Токмо красный⁵³ товар урвать из ханского обоза... Стащить к реке, и к бесу! – подале от этого бережка... Смертью от него прет за версту.

...И снова они хоронились до сроку в перешептывающихся камышах. Кормили до крапивного зуда ненасытное комариное племя. Ждали потемок, с тревогой вглядываясь в багровые вспышки, которыми трепетало небо, отражая пламя татарских костров. Теплый закат сулил погоду. Степь пахла кровью, золой и кизячным дымом.

...Когда окраина неба на востоке отпылала багрянцем и срезанная горбушка месяца скрылась за облаками, Плюскиня вынул из ножен прямой галицкий меч и кивнул своим:

– Двинем, братья.

* * *

Им повезло. Ночь выдалась тихой. Накаленная тишь вздрагивала и пугалась, разнося по холмам и оврагам лишь хриплые стоны, мольбы и невнятное бормотание умирающих.

Голодное шакалье, сбившись в кудлатые своры, рыскало среди трупов, грызлось между собою, чавкало человечиною, жадно лакало кровь и злобно рычало, дыбило шерсть, оскалив клыки, когда торжество их пиршества нарушали идущие во тьме мародеры.

До ханского обоза доторкались скоро. Шли напрямиком, не сворачивали – прямо по мертвякам, по спинам и головам – боялись не успеть.

...Рылись, лапали наощупь и взваливали на плечи поживу – быстро, но с толком, под зорким оком жоака. Вскоре все четыре лодки были под завязку полны ханским добром: тут тебе и мешки с собольими шубами, и расшитые жемчугом сафьяновые сапоги, и парчовые халаты, и китайские шелка, и оружие с золотой насечкой, и два ларя с самоцветами.

За широкой спиной бродника послышалось шушуканье у разбитой повозки, звяк ножен и торопливые шаги. Хрипчатый голос неуверенно просипел:

– Струги полны до краев, Плюскиня! Могеть?..

– Не «могеть»! Ты еще на собачьей мозоли погадай, Гурда, или на свином пятаке! Ежли жадить будем – хапнем лишка... вместе со всем добром на дно канем.

Главарь злобно шикнул на замявшегося Гурду. Потянул ноздрями воздух и, прищурив глаз, процедил:

– Чума на ваши головы... Зажрались! Нам бы ноги свои унести... Чую, изменой преть.

– Эт точно, Плюскиня... Кой-кто зажрался.

Бродник узнал этот глухой, злобный голос. Желваки буграми заходили под щетиной жоака. Мгновенье – и он слышал только тяжелые, будто каменные удары собственного сердца и внутренний голос: «Проворонил, дурак, свое счастье!.. Спину зачем показал?..»

– Брось меч!

⁵³ Здесь: в значении – лучший, красивый, дорогой (устар.).

Плоския в бессильи заскрипел зубами, почувствовав, как острие холодной стали коснулось его оголенной шеи. Надеясь на шальной случай, он нехотя разжал пальцы: тяжелый обоюдоострый меч брякнул у его ног.

– В сторону! Я сказал – в сторону! Пшел!

Плоския взял вправо, остановился. Широкие ноздри его зашевелились, взгляд непримиримо скользнул по иуде. Бродник видел, как Кистень, не спуская с него ненавидящих глаз, нагнулся и подобрал оружие.

– Ну, вот и все... – клокочущим голосом прошипел он. – Край твой настал, Плоския. Теперь мой черед стаю водить. Верно, браты?! А ты сдохнешь здесь, чем худо?..

– Сукин ты пес!.. – Бродник харкнул в лицо изменника. – Врешь, жабенок! Врешь, чумазлай... Я-ть сдохну – пусть! Давай, руби... Но знай, я ж тебя и на том свете сыщу, мразь ползучая!..

– Но-о-о!.. – как задушенный, захрипел Кистень, замахиваясь мечом.

В следующий миг у виска Плоскини просвистела стрела. Он вздрогнул. Кистень выронил меч, схватившись руками за лицо, зашелся в безумном вое. Из его левого глаза торчал оперенный конец стрелы. Сделав шаг, он рухнул на вытопанную траву, как мешок с песком.

...За спиной раздались чужеверные крики, и стрелы с жалящим визгом смерти посыпались из темноты.

Вся шатия лишилась рассудка, как только осознала, что попала в ловушку.

Еще четверо «золоторотцев» упали в камыши, исклеванные стрелами. Оставшиеся в живых бросились кто куда... все врозь.

...С этого взмаха судьбы Плоския ничего не помнил, кроме застрявшего в горле страха. Татары будто с неба свалились на их головы. Кривая сабля чиркнула его по груди, распоров от плеча до пояса полушубок... Он успел отскочить, рванулся влево, вправо, и тут и там замелькали всадники.

...Из-под копыт монгольского жеребца вырвались ошметья земли и сдавленный стон – по торцу повозки сползло тело Авдея Шелеста с остановившимся взглядом. На лбу его была сине-черная, в половину свеклы, вмятина от удара боевой палицы. Не до конца вытащенный из ножен меч так и остался в его руках.

Бродник, отбив удар, развалил до седла наскочившего на него монгола, ранил другого, кинулся к камышам... В голове, вернее – в судорожно сведенных мышцах, в ногах, не знающих устали, пульсировало и стучало одно желание – бежать.

...Сзади крик: «Ха! Ха-а!»⁵⁴ и топот конских копыт. Он перепрыгнул через порубанных дружков, не смея поворотить головы.

Вот уж и берег! Бегут стремглав навстречу густые метелки камыша – в них, только в них, непролазных, – его спасение...

Еще рывок, последний!.. Но... глаза ослепила темь – чернее воровской ночи, и удушье перехватило горло. Бродник стиснул зубы, попытался ослабить руками хватку аркана, но голова трещала по швам; он хватал ртом воздух – того не было.

Плоския захрипел и начал падать в бездну; он знал, что выхода из нее нет.

⁵⁴ Стой! (монг.).

Глава 6

В эту ночь над степью прогромыхала гроза. С востока, запаленно дыша, разметав свою воздушную гриву, налетел ветер, промчался свистящим вихрем, и за ним незримым шлейфом потянулась густая прохлада и горькая пыль.

Сабельный всполох молнии вспорол брюхо набухших дождевой хлябью туч, и долго лепилась и клеилась напряженная тишина, прежде чем в «небесных горах» загрохотал медью раскатистый гром.

Ливень нещадно сек траву, прибывал к земле сочную зелень ее упрямых вихров, взрывал пересошие жилы ручьев бурливой водой.

...Но тихо и уютно в шатре наложниц... Увидишь – красавиц прекраснее нет!

Походная белая юрта Субэдэй-багатура проста и сурова, как юрта обычного кочевника, каким он сам был сорок лет назад. В ней нет шелковых китайских ковров, нет ни персидских, кавказских, нет никаких... Как нет и расшитых птицами и цветами атласных занавесок, развешиваемых по стенам. Вместо пуховых подушек, затянутых в нежнейший сафьян, и ковров на землю брошены простые серые войлоки. По кругу решетки юрты расставлены выючные кожаные сумы, уже зашнурованные, всегда готовые к конному переходу; в изголовье – татарское седло с волосяной подушкой, вместо перины – гривастая шкура яка⁵⁵, вместо одеяла – тигриная, с когтями и хвостом; на стенах оружие – сабли, мечи, кинжалы, кольчуги, конская боевая сбруя, щиты и копья, луки и колчаны со стрелами...

Но ничего этого нет в теплом шатре восточных красавиц... Глаза их узки и схожи с глазами рыси... У других, напротив, – они широки, как у робкой газели, и темны, как влажная южная ночь... в них отражаются звезды и прыгающие искры костра.

...Когда Субэдэй и Джэбэ-Стрела проникли в половецкие степи и достигли южных границ Руси, их отряды встали на отдых близ реки Калки. Перед вторжением в чужие пределы следовало откормить табуны, набраться сил и собрать нужные сведения о неведомом народе...

Субэдэй, объезжая степное приволье, распорядился разбить себе юрту на солончаковом краю морского берега, неподалеку от устья ленивой мутной реки.

Нукеры, скаля зубы, с радостью взялись за дело – всех их ждал долгожданный отдых. Дюжина мохногорбых верблюдов с утробным ревом доставила на вершину кургана несколько разобранных юрт. Прибыли в повозках и молчаливые пленницы из разных племен и народов. Укрытые с головой одеялами китайки, грузинки, туркменки и половчанки со страхом ждали своей судьбы. Под плетью монголов они пели родные песни своих убитых отцов, мужей и братьев, когда устанавливались полукруглые решетки юрт и обтягивались белыми, как кобылье молоко, кипчакскими войлоками...

Возвратившись с ястребиной охоты, Субэдэй нахмурил седые брови и, еще раз глянув в сторону своих юрт, гневно крикнул:

– Зачем поставили три? Кто распорядился?!

– Как «зачем», бесстрашный? – удивился подбежавший улан⁵⁶. – Так было всегда!.. В первой ты, мудрый, будешь думать, как покорить урусов... В другой разместятся твои быстрые гепарды и любимые охотничьи барсы... А без третьей нельзя могущественному монголу! В нее, прославленный, мы отобрали и заперли лучших кипчакских невольниц. Они будут петь, плясать и... улаживать своими ласками... тебя, избранный.

⁵⁵ Один из видов быков. В диком виде сохранился в Тибете. Як – крупное сильное животное, ростом до 1,6–1,9 м, с горбом в области холки. Масть черная со светлой полосой по хребту. Длинный грубый волос покрывает хвост и бока, образует бахрому, которая служит яку подстилкой, когда он лежит на снегу.

⁵⁶ Здесь: человек благородного происхождения (хан, бек и т. п.) (монг.).

Субэдэй криво усмехнулся на неприкрытую лесть своего нукера. Сказал, как отрезал:
– Угга!⁵⁷ Впереди великая битва... Мне сейчас не до них! Пусть во второй юрте рычат барсы. – Суровый багатур спрыгнул на землю и, звеня чешуйчатой броней, бросил: – А в третьей пусть для меня варит баранину старый Саклаб. Наложницы в походе, как вино в пустыне... Жажду медом не утоляют. Раздайте их отличившимся в бою сотникам.

...Саклаб с закопченными котлами и казанами, с большим деревянным черпаком, роговыми ложками, ножами и круглым ситом из конского волоса для просеивания муки от червей и личинок, расположился в третьей, из черного войлока, юрте.

Этот жилистый, похожий на сыромятный ремень раб с тесемкой из лыка вокруг головы был схвачен татарами в пути около Астрабада. Нукеры пояснили тогда своему господину:

– Сей пленный старик – по крови урус. Он из той неведомой страны на севере, которую нам приказал покорить Чингисхан... Мы узнали, он был кашеваром у мирзы⁵⁸ Мухаммеда⁵⁹... Когда твои тумены взяли город, этот пес выкрал коня и хотел бежать к своим, на родину. Бесстрашный, он говорит на всех языках и умеет справлять всякие кушанья. Возьми его в подарок от нас... Может, он пригодится тебе.

– Этот раб будет готовить и пилав с миндалем, и чилав со сливами, и шурпу, и кайнэ из гороха, и пахлаву...

– И яд, который подсыплет однажды?... – Субэдэй подозрительно посмотрел на стоявшего перед ним с колодкой на шее раба.

– Тогда прикажи зарубить его здесь, как шакала! – Улан с готовностью схватился за меч.

– Успеется. Прибереги свой пыл для сечи, Бургут. А это что за щенок с ним? – Субэдэй кивнул на мосластого, со спутанными волосами, черноглазого юношу, стоявшего на коленях рядом со старым Саклабом.

– Это Туган. – Нукер схватил за волосы пленника и задрал ему голову, точно жертвенному барану. – Этот приемыш-молчун будет помогать старику в готовке.

– Заткни свою пасть, Джунгур! – Внезапная вспышка гнева осветила изуродованное сабельным шрамом лицо багатура. – Этот «старик» моложе меня!.. Управится сам! Других дармоедов мне не надо. Каждая собака норовит вилять хвостом при котле! У меня и без этого щенка по горло китайских и меркитских⁶⁰ стряпух... Ему нужно воевать во славу Кагана, а не замешивать тесто, как бабе. Сбейте с него колодки, дайте меч и отберите из табуна лысого и шелудивого мерина. Сегодня же отправьте его в передовую сотню, и пусть учится военному ремеслу⁶¹. Если из него выкуется хороший воин, то он сам добудет себе в бою и коня, и седло

⁵⁷ Нет! (монг.)

⁵⁸ У некоторых народов Востока: титул членов царствующего дома, а также лицо, носящее этот титул; почетное наименование высшего чиновника или ученого; секретарь, писец (перс.).

⁵⁹ Правитель Хорезма, в начале XIII века сильнейший из мусульманских владык; следует заметить: слова «Туркестан» тогда еще не существовало. Хорезм – государство, существовавшее в низовьях Аму-Дарьи. В XIII веке Хорезму подчинялась огромная территория от Аральского моря до Персидского залива.

⁶⁰ Татары – общее название многих кочевых племен тюркского происхождения, покоренных Чингисханом. Меркиты – одно из этих племен. Интересно, что мать самого Чингисхана – Оелун – была не монгольского рода, а из племени меркитов.

⁶¹ Военное дело у монголов: «Победы монголов были во многом predeterminedены их блестящей по тому времени военной организацией. Каждый взрослый монгол был воином, с детства сидел в седле и владел оружием. Поголовное участие мужского населения в войнах давало кочевникам большое преимущество над оседлыми народами. Земледельцы и горожане, как правило, были привычны не к мечу, а к сохе и плугу, а также ремесленным инструментам. Война была делом князей и их дружин. Подготовленность своих воинов – прирожденных наездников – к военным походам Чингисхан дополнил установлением в войске жесточайшей дисциплины и введением особых приемов боя. Все монголы были разделены на десятки, сотни, тысячи и тумены (10 тысяч). Во главе их стояли десятники, сотники, тысячники и темники. Созданный Чингисханом “яса” установил коллективную ответственность за поведение в бою. Если воин трусил, бежал от врага, – казнили весь десяток. За бегство десятка казнили всю сотню. Десяток состоял из членов одного рода, хорошо знавших друг друга. Трусливый, ненадежный просто не попадал в воины. Ему не было доли в добыче, он был навеки опозорен, он превращался в изгоя. Поэтому в бою монголы были отчаянно отважны и упорны. Войско состояло из легкой и тяжелой конницы. Легкие всадники были одеты в кожаные доспехи, имели кривую саблю, боевой топор, аркан, легкое копье и два лука – для стрельбы легкими и тяжелыми

с броней, и веселую девку... А если нет – ему и так срубят башку в первой схватке... Значит, так надо. Потеря невелика...

* * *

Да, так все и случилось на зеленых берегах бурой реки Калки...

Но вместо трех юрт нукеры – на свой страх и риск – поставили на высоком кряже четыре. И если из первых трех невыносимо разило от сбруй и попон конским потом, закопченными у костров кожами, кровью и мясом убоины... то из шатра наложниц, там, где шелк и парча скрывали от чужих глаз лоснящиеся от розовых масел плечи и бедра прелестниц, – веяло нежным ароматом жасмина и прочими тонкими благовониями загадочного Востока.

...Туда опасно заходить неискушенному.

...Туда заказана дорога любому смертному, если на то не будет благоволения Барса с Отгрызенной Лапой.

...Там живет рай и ад... Ночью и днем, по желанию повелителя, там страсть уподобляется огню, пламени и болезни, от которой нет снадобий, нет лекарств, и цветам, распускающимся на льду.

...Там рабыни тонки станом. Их косы обвивают бескрайние степи, их пальцы как перья орлиц.

...Их агатовые, изумрудные, сапфировые глаза сводят с ума бывалых воинов.

...Их брови смущают мудрецов...

* * *

...При свете молнии, вторично очертившей круг, тургауды, охранявшие покой всех четырех юрт полководца, увидели в полнеба дрожавшую свинцовыми отсветами тучу. Обугленно-синяя по краям, седая в середине, она, казалось, хотела раздавить все на земле, распростертой под нею: и сотысячные монгольские табуны, сбившиеся на равнине, и юрты, и крохотных людей, снующих муравьями у своих жилищ.

Гром обрушился с ужасающей силой, молния раскаленным трезубцем вонзилась в горизонт. После нового удара из небесных недр потоками хлынул дождь, степь вымерла, вихрь сорвал с просушек забытое звериное шкурье и войлоки, заставил охрану крепче ухватиться за древки воткнутых в землю копий.

...Но если громовые раскаты оглушили воинов, стерегущих покой старого Барса с Отгрызенной Лапой, то сам он, отпивая кумыс из золотой бухарской пиалы, внимал голосам красавиц, в которые вплетался сыпучий звон бубенцов гулко бубна:

Эй, эй, эй... и-и-эй, эй, э-эй!

Табуны родные вспоминая,

Землю бьют со ржаньем кобылицы.

Матерей родимых вспоминая,

стрелами. У каждого воина было два колчана по 30 стрел. Воины тяжелой конницы, помимо всего перечисленного, имели длинное копьё, прямой меч, железный шлем и кольчугу. Кони их были защищены кожаными доспехами. В бою легкая конница атаковала первой, а затем ложным отступлением заманивала уверенного в своей победе противника под мощный удар главных сил. Передвигались монголы стремительно, пересаживаясь в пути на свежих коней. По закону Чингисхана, у каждого воина было не менее трех лошадей. В Китае монголы познакомились с осадной техникой. Впоследствии, штурмуя города, они использовали тараны и камнеметательные машины, которые обслуживали китайские инженеры» // Кацава Л. А., Юрганов А. Л. История России VIII–XV веков.

Слезы льют со стоном молодицы⁶².

Конечно, слышал Субэдэй и завывания бушевавшей грозы. Только мертвец не услышит бурю... Но в громах ее и стозвучных раскатах он слышал гревшие его душу воина отзвуки былых сражений.

В цепкой памяти багатура подобно пожару проносились картины его походов к Абескунскому морю⁶³, в царство надменного Хорезм-шаха, в раскаленные пустыни кипчаков и их быстроногих коней, в цветущую страну персов и к отрогам седого Кавказа в поисках Последнего моря.

Он бросил в руки чернобровой кипчанке пустую пиалу, прикрыл единственный глаз; воспоминания остро, как запахи детства, родной юрты, окутывали его, поднимали на сильные беркутиные крылья, уносили мыслями в далекое далеко...

* * *

Вот как нам, потомкам, вещает о тех незапамятных временах бесценный ломкий пергамент:

«...Весной года Дракона (1220), в месяц сафар (апрель) Чингисхан призвал к себе двух полководцев, испытанных в выполнении самых трудных поручений: старого одноглазого Субэдэй-багатура и молодого, полного сил и рвения Джэбэ-нойона.

Немедленно они прибыли в шелковую юрту “Потрясателя Вселенной” и пали на белый войлок перед золотым тронном.

Чингисхан сидел на пятке левой ноги, обнимая рукой правое колено. С его золоченого шлема с большим рубином свисали хвосты чернобурых лисиц. Желто-зеленые кошачьи глаза смотрели бесстрастно на двух склоненных непобедимых багатуров.

“Единственный и Величайший”, выдержав паузу, заговорил низким грудным голосом:

– Лазутчики меня известили, что сын желтоухой собаки, хорезм-шах Мухаммед тайно бросил свое войско. Заметая следы бегства, Мухаммед недавно показался на переправах через реку Джейхун. Этот трусливый пес везет с собой несметные богатства, накопленные за сто лет шахами Хорезма. Верблюды и быки стонут и режут под тяжестью сундуков. Его надо поймать раньше, чем он соберет второе огромное войско... Да сгниет его грудь! Да выпьет ворон его глаза! Да иссякнет его семя!

Я дам вам двадцать тысяч всадников. Если у шаха окажется такое войско, что ваше волчьё чутье подскажет отступить... воздержитесь от боя... Мы слишком далеко забрались от наших родных берегов Онона и Керулена⁶⁴... Но тут же меня известите! Тогда я немедля пошлю Техучар-нойона с тридцатью тысячами батыров, и он один справится там, где вы вдвоем завяжете по пояс...

Я думаю, однако, что это наше решение сильнее, чем все войска трусливого Мухаммеда. Но знайте и другое: пока вы не будете тащить Мухаммеда на арканах, ко мне не возвращайтесь!

Если же опрокинутый вами шах с горстью непримиримых будет и дальше путать следы, чтобы укрыться в неприступных горах или мрачных ущельях, или, как хитрый колдун, исчезнет на глазах людей, то вы черным ураганом промчитесь по его владениям... Всякому городу, проявившему покорность, даруйте жизнь и оставьте там небольшую охрану, баскаков⁶⁵ и правителя, забывшего улыбку... Но всякий город, поднявший меч, берите приступом! Не остав-

⁶² Стихотворная обработка песни А. Шапиро.

⁶³ Каспийское море (устар.).

⁶⁴ Онон и Керулен – притоки Аргуни, главные реки «коренной Монголии», на берегах которых прошла юность Чингисхана.

⁶⁵ Представитель ханской власти и сборщик дани (в том числе и на Руси во времена монголо-татарского ига) (татар.).

ляйте там камня на камне... Все обращайтесь в пепел!.. Сердце и опыт подсказывают мне, что этот приказ вам не покажется трудным...

Когда Чингисхан закончил и вновь стал горстить широкой пятерней рыжую жесткую бороду, Джэбэ-Стрела выпрямился и спросил:

– Что делать, Немеркнувший? Если шах Хорезма Мухаммед чудесным образом будет убегать от нас все дальше на запад... Сколько времени гнать наших коней за ним и удалиться от твоей Золотой юрты?

– Тогда вы будете гнаться за ним до конца Вселенной, пока ваши кони не омоют копыта в волнах Последнего моря⁶⁶.

Субэдэй-багатур, изогнутый и кривобокий, поднял голову и, тараща на повелителя круглый, как персидский динар, глаз, натужно прохрипел:

– А если этот нечестивый пес обратится в рыбу и скроется в морской пучине?..

Неподвижный и безмолвный, с горящими, как угли, немигающими глазами, Чингисхан усмехнулся словам Субэдэя; потер переносицу и по-дружески погрозил багатуру:

– Сумейте схватить его раньше! Идите, готовьте коней.

Оба полководца поднялись с колен и попятнулись к выходу.

В тот же день орду Чингисхана покинуло двадцать тысяч монгольских и татарских всадников, они помчались на запад. И долго еще по степи катилось огромное и зловещее облако пыли.

* * *

...Выполняя грозное повеление Чингисхана, его прославленные полководцы Джэбэ-нойон и Субэдэй-багатур с двумя туменами всадников два года рыскали по долинам, пустыням и горным дебрям северного Ирана, разыскивая следы бежавшего владыки Хорезма, шаха Мухаммеда. Сотни лазутчиков и лучших следопытов вынюхивали и прочесывали все караванные пути, дороги и даже звериные тропы. Но тщетны были их поиски и труды.

И только народная молва была упряма в одном: "...Хорезм-шах, бросивший свою родину... покинутый всеми, умер от проказы на одиноком, безымянном острове Абескунского моря..."

...Долго они ломали головы, как быть... Наконец призвали монгола, умевшего петь старинные песни про битвы батыров, и медленно озвучили ему свое донесение "единственному и величайшему". Они заставили гонца повторить их слова девять раз⁶⁷ и затем послали его к Чингисхану в его стоянку на равнине близ города Несефа, богатой зелеными долинами и чистыми водами. Так как проезд по дорогам был еще опасен из-за нападений и грабежей голодных шаек беглецов, покинувших сожженные монголами города, то для охраны вестника было выделено пятьсот надежных нукеров.

Гонец всю дорогу распевал старые песни про монгольские голубые степи, про лесистые горы, про девушек Керулена, похожих на алое пламя костров, но ни разу не пропел донесения пославших его багатуров.

...Прибыв в стоянку Великого Кагана, пройдя через восемь застав телохранителей-тургаудов и очищенный дымом священных костров, гонец подошел к огромному желтому шатру и остановился перед золотой дверью. По сторонам входа стояли два редкой красоты коня: один фарфорово-белый, другой – вороной, оба привязанные белыми волосяными веревками к литым золотым приколам со львиными головами.

⁶⁶ В те далекие времена Земля считалась островом, окруженным беспредельным морем.

⁶⁷ Монгольские вожди, не знавшие письменности, чтобы послать важное донесение, и боясь, что гонец его исказит, составляли его в виде песни, которую гонец заучивал наизусть. Число девять у монголов считалось священным.

Пораженный такой роскошью, вестник упал ничком на землю и лежал до тех пор, покуда два силача-торгауда не подняли его под руки и не втащили в юрту, бросив на ковер перед Чингисханом.

Монгольский владыка сидел, подобрав под себя ноги, на широком, китайской работы троне, покрытом листовым золотом.

С закрытыми глазами, стоя на коленях, посланник пропел выученное донесение, заливаясь высоким голосом, как его учил дед и как он привык петь монгольские былинные песни:

*Донесение величайшему от его старательных нукеров,
Субэдэй-багатура и Джэбэ-нойона,
Сын бесхвостой лисы, Мухаммед хорезм-шах,
Кончил жизнь в шалаше прокаженного,
А змеявши его, непокорный Джелалъ,
Ускользнул через горы иранские,
Там бесследно исчез он, как дым.
Мы покончили с ними! Идем на Кавказ,
Будем драться с народами встречными,
Испытаем их мощь, сосчитаем войска,
Пронесемся степями кипчакскими,
Где дадим мы коням отдохнуть.
Мы запомним пути, мы отыщем луга
Для коня твоего золотистого,
Чтобы мог ты на Запад грозой налететь,
Подогнув под колено Вселенную,
И покрыть все монгольской рукой!..
В мире сил нет таких, чтобы нас удержать
В нашем беге до моря Последнего,
Там, – зеленой волной пыль омывши копыт,
Мы курган накидаем невиданный
Из отрезанных нами голов.
На кургане поставим обломок скалы,
Твое имя напишем священное,
И тогда лишь коней повернем на восток,
Чтоб умчаться обратной дорогою
Снова к юрте твоей Золотой...*

Окончив песню, гонец впервые осмелился взглянуть в свирепые глаза недоступного простым монголам владыки. Пораженный, он снова упал ничком.

Чингисхан сидел невозмутимый, непроницаемый, с полужакрытыми глазами и, кивая седеющей рыжей бородой, чесал заскорузлую голую пятку. Он устало посмотрел на распростертого перед ним гонца и сказал, точно в раздумье:

– У тебя горло, как у дикого гуся... Тебя подобает наградить... – Он порылся в желтом шелковом мешочке, висевшем на ручке трона, достал кусок запыленного сахара и силком втиснул его в дрожащий рот певца. Затем поскреб пальцами грудь и сказал: – Джэбэ-Стрелу и Субэдэя еще рано хвалить. Посмотрим, удачно ли закончится бег их коней... Ответное слово я пришлю с особым гонцом...

Движением пальца каган отпустил вестника. Он приказал накормить его и напоить кумысом, а также достойно угостить сопровождавшую охрану. На другой день он отправил всех обратно догонять ушедший далеко вперед монгольский авангард.

...Прошел еще год. Но никаких известий об ушедших на запад монголах не приходило.

Однажды Чингисхан сказал несколько слов своему писарю, уйгуру⁶⁸ Измаилу-Ходже, и приказал, чтобы запечатанное послание (никто не ведал его содержания) повез гонец, увешанный серебряными бубенцами, с соколиными крыльями на шлеме (знак спешности).

Охранять секретного гонца он поручил темнику Тохучару с туменом в десять тысяч всадников.

– Ты погонишь своего скакуна до края Вселенной, пока не сыщешь Субэдэя и Джэбэ-нойона. Там, на твоих глазах, гонец обязан будет передать мое письмо Субэдэй-багатуру из рук в руки. Они теперь забрались так далеко, что их теснят тридцать три неведомых народа. Думаю... пора их выручать. Да выпрямит Небо для тебя дорогу!

– Да продлится твоя жизнь, Величайший! Да будут сыновья твои неведомы! – Тохучар упал на колени и коснулся губами носка сафьянового сапога Чингисхана.

В тот же день отряд под предводительством Тохучара направил своих коней на запад отыскивать умчавшихся на край земли монголов».

* * *

Рассказывает древний манускрипт и о деяниях бесстрашных полководцев Великого Кагана. Вот слова, вот правда, о которой говорят его пожелтевшие страницы:

«...Как две огромные черные змеи, проспавшие зиму, выползают из-под корней старого платана на поляну и, отогрившись в лучах весеннего солнца, скользят по тропам, то соприкасаясь, то снова разделяясь, и внушают панический ужас убегающим зверям и кружащимся над ними с криками птиц, так два тумена стремительного Джэбэ-нойона и осторожного, хитрого Субэдэй-багатура, то растягиваясь длинными ременными арканами, то собираясь вместе шумным и пестрым скопищем коней, вытаптывали поля вокруг объятых ужасом городов и направлялись все дальше, на закат светила, оставляя за собой закопченные развалины с обгорелыми, раздувшимися трупами.

Этот передовой отряд войск Чингисхановых прошел по северному Ирану, разгромив и предав огню города: Хар, Симнан, Кум, Зенджан и множество других.

Свирепые монголы пощадили только богатый город Хамадан, правитель которого выслал вперед с почетным посольством дорогие подарки: табун арабских верховых лошадей и триста верблюдов, нагруженных платьями и оружием. Упорную битву татары выдержали в Казвине, где внутри города жители отчаянно дрались длинными ножами: Казвин был разрушен до основания и сожжен.

...Холодные зимние месяцы они провели в пределах города Рея. Со всех концов им присылались стада баранов, быков, лучшие кони и верблюды с тюками теплой одежды. Там монголы выжидали весну, набирали силу.

Когда под лучами солнца зазеленели склоны иранских гор, татары прошли по цветущему Азербайджану. Большой богатый город Тавриз выслал им ценные дары, и кочевники, согласившись на мир, прошли мимо, не тронув города. Они направились на заоблачный Кавказ, где подступили к столице Аррана Гандже. Монголы потребовали серебра и одежд, что было им выдано, и они продолжили свой путь – вторжением в Грузию.

Сильное войско решительных грузин заступило им путь. Субэдэй с главными силами шел впереди. Джэбэ с пятью тысячами всадников укрылся в засаде. При первой же стычке монголы притворно обратились в бегство. Потерявшие осторожность горячие грузины погнались за ними...

⁶⁸ Уйгуры – народ, живущий в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Китае.

Татары Джэбэ-Стрелы обрушились на грузин из засады, как горный обвал, а всадники Субэдэя, развернув коней, охватили грузин со всех сторон и всех изрубили. В этом бою погибло свыше пятнадцати тысяч защитников Грузии.

Монгольское войско, значительно поредевшее, однако, поостереглось пробиваться вглубь этой пересеченной горными глухими ущельями страны с очень воинственным населением и покинуло ее, чрезмерно отягченное добычей. Воины говорили у походных костров, что их равнинной душе тесно в кавказских горных ущельях. Они жаждали степей, где вольготно пастись табунам.

Вырезав под корень город Шемаху, монголы помчались к ширванскому Дербенту. Эта крепость гордо располагалась на неприступной горе, подобно орлиному гнезду, и закрывала проход на север. Джэбэ-нойон послал к ширванскому шаху Рашиду, укрывшемуся в крепости, гонца с жестким требованием:

– Немедля пришли ко мне твоих знатных беков, чтобы мы заключили с тобой дружественный мир.

Ширванский правитель с тяжелым предчувствием вынужден был прислать десять родовитых стариков.

Джэбэ сразу зарубил мечом одного гордого бека на глазах остальных и потребовал:

– Дайте надежных проводников, чтобы наше войско могло пройти через горы. Тогда вам будет пощада. Иначе...

Увидев свое отражение в окровавленной стали, ширванские беки поторопились подчиниться этому требованию, провели монгольское войско, обойдя Дербент, горными тропами и показали путь на кипчакские равнины.

* * *

На Северном Кавказе Джэбэ и Субэдэй прибыли в страну аланов, куда из обширных северных равнин и предгорий на помощь аланам собралось много воинственных племен лезгин, черкесов, даргинцев и кипчаков.

Силы были равны. Противники бились целый день до заката, но никто не одержал победы.

Тогда коварный Субэдэй пошел на хитрость – послал к знатнейшему кипчакскому хану Котану лазутчика, и тот прочел половецкому вождю такое письмо:

“Мы, татары, как и вы, кипчаки, – одна степная кровь одного рода, вскормленного молоком быстроногих кобылиц! А вы соединяетесь с чужаками против своих братьев. Аланы, черкесы, нохчи и даргинцы и нам, и вам – чужие. Давайте заключим с вами нерушимый договор не тревожить друг друга. За это мы дадим вам столько золота и серебра, сколько вы пожелаете. А вы сами уходите в свои кочевья и предоставьте нам одним расправиться с ними”.

В подтверждение своих слов монголы послали половцам отборный табун туркменских коней, нагруженных ценными подарками, и кипчакские ханы, соблазненные, предательски покинули ночью аланов и увели свои орды на север.

Монгольские тумены напали на аланов, разгромили и пронеслись черным вихрем по аулам и городам, все предавая огню, грабежу, сильничеству и убийству. После такой резни аланы объявили о своей полной покорности Чингисхану, а часть их присоединилась к монгольским полчищам.

...Тогда, не имея более за спиной острых мечей и кинжалов горцев, Джэбэ и Субэдэй внезапно повели свои тумены на север, в степь, на половецкие кочевья.

Уверенные в прочном мире и своей безопасности, кипчакские ханы отдельными отрядами разъехались по своим становищам. Монголы гнались за ними по пятам, разорили главные станы и забрали всякого имущества в десятки раз больше того, что дали в уплату за измену.

Те из кипчаков, оные жили далеко в степи, услышав о вторжении татар, навьючили на верблюдов имущество и бежали кто куда мог: одни схоронились в тростниковых левадах, другие в дремучих лесах. Многие бежали в земли русские и венгерские.

Монголы гнались за кипчаками по берегам Дона, пока не загнали их в синие волны Хазарского моря, и там многих утопили, засыпав стрелами. Оставшихся в живых они сделали своими конюхами и пастухами, чтобы те стерегли захваченные повсюду стада и табуны коней.

Затем они вторглись на Хазарский полуостров и напали на древний Судак – богатый приморский город. К его могучим крепостным стенам раньше приходило много чужеземных кораблей с одеждами, тканями, пряностями и другими товарами. Кипчаки их выменивали на невольников, чернобурых лисиц и куниц, а также на воловьей кожи, коими издревле славилась крымская земля.

Узнав о нашествии монголов, жители Судака бежали, частью укрылись в горах, частью сели на корабли и отплыли через море в Трeбизонт.

Джэбэ и Субэдэй разграбили город и снова отошли на север для отдыха в половецких кочевьях, где нагуливали силу и зализывали раны более года.

...Здесь тянулись обильные травой луга и плодородные поля, распаханые рабами, бахчи с арбузами, дынями и тыквами, и паслись тучные стада большерогих быков и тонкорунных баранов. Воины кагана хвалили эти степи и говорили, что здесь их коням столь же привольно, как на родине, на зеленых берегах Онона и Керулена. Но исконные монгольские степи им, конечно, дороже, и они их не променяют ни на какие другие равнины. Покончив с завоеванием Вселенной, все они хотят только одного – вернуться на берега голубого Керулена.

Одноглазый Субэдэй и Джэбэ-Стрела со своими отрядами недолго пробыли в главном городе кипчаков Шарукани⁶⁹. В нем были и каменные постройки, до половины врытые в землю, и амбары со складами иноземных товаров, но больше всего было разборных юрт, в которых жили как половецкие ханы, так и простые номады. Весной они откочевывали из города в степь, а на зиму снова возвращались в город.

С приходом монголов заморские купцы, боясь войны, перестали торговать с Дикой Степью. Город Шарукань, разграбленный и сожженный, опустел, а татарская орда ушла к Лукоморью.

...Там монголы поставили курени в низинах между холмами, чтобы укрыться от продувных ветров. Каждый курень ставился кольцом в несколько сот юрт, отобранных у половцев. В одном курене насчитывалась тысяча воинов. Посредине каждого круга-кольца стояла огромная юрта тысячника с его высоким рогатым бунчуком из конских хвостов с бронзовыми или серебряными бубенцами. Около юрт, привязанные к железным приколам, стояли всегда готовые к походу оседланные кони с туго подтянутыми поводьями, а остальные паслись несметными табунами под надзором кипчакских конюхов.

...Монголы, где бы они ни стояли лагерем, неотступно продолжали соблюдать строгие законы – “Ясы Чингисхана”. Их боевые станы были окружены тройной и более цепью часовых. На главных большаках, ведущих в земли булгар, урусов и угров, скрывались сторожевые посты. Они хватали всех, кто ехал по степи, пытали огнем, кто упорно молчал, и тех, кто знал хоть какие-то новости о соседних племенах, отсылали к своим багатурам. Всем остальным за ненужностью рубили головы.

У большинства нукеров в юртах находились их монгольские жены, выехавшие в поход с мужьями еще с далекой родины, а также женщины и дети, захваченные в пути.

Монголки одевались так же, как и воины, и их было трудно сразу отличить. Иногда они участвовали в битвах, но обычно женщины заведовали верблюдами, вьючными лошадьми и

⁶⁹ По мнению некоторых ученых, город кипчаков (половцев) Шарукань (т. е. Шарук-ахана), был на месте нынешнего Харькова, который от него и ведет свое название.

возами, в которых берегли полученную при дележе добычу. Они также наблюдали за пленными с тавром владельца, выжженным на бедре, и поручали им самую тяжелую работу. Рабы разделявали туши убитых быков, рыли ямы, доили кобылиц и верблюдиц и во время стоянок варили в медных или каменных котлах пищу.

Малые дети, рожденные за время походов или захваченные в пути, во время переходов сидели в повозках либо в кожаных переметных сумках, иногда по двое, на выючных конях, а также за спинами ехавших верхом монголов.

На равнине, в стороне от монгольского лагеря, растянулся сборный стан воинов разных племен, примкнувших по пути к монголам. Тут были видны и туркменские пестрые юрты, и тангутские рыжие шатры, и черные палатки белуджей, и аланов, и прочих, имя которых утрачено... Вся эта дикая орда, подгоняемая монголами, первая посылалась на приступ, а после сечи подбирали остатки захваченной монголами добычи...»

Глава 7

...И вот теперь курени Субэдэя и Джэбэ стояли на Калке. Нукеры кагана были довольны – привольная степь порога не знала, границы ее упирались в синий горизонт; кругом лоснилась под ветром высокая зелень сочной травы; плесы, протоки, старицы были богаты рыбой и дичью. Повсюду бродили тучные гурты скота, отбитого у половецких ханов: быки белой масти, высокие в холке, с огромными, «ухватом», рогами, бараны жирные, курдючные, тоже белые; и войлоки половецкие, как и юрты – того же цвета, белые, будто соль.

...Временами среди шумящих лукоморских волн маячили паруса иноземных судов, но они проходили стороной, боясь даже приблизиться к берегу, который кишел захватчиками, как падаль червями.

Но монголов это ничуть не печалило. Степняки с востока привыкли: с их появлением все живое под солнцем в ужасе разбегалось кто куда... Сбылась мечта Чингисхана: медленно, но верно мир сгибался в бараний рог под плетью монголов. Теперь под нею должна была согнуться и христианская Русь.

* * *

...Обрушившаяся на степь гроза стремительно уходила на северо-запад, туда, где, по донесениям лазутчиков и пленных половцев, находился огромный главный город урусов Киев.

Субэдэй в полудреме слышал, как наложницы-кипчаки стелили на войлоках китайские перины, взбивали подушки, зевали, расчесывали черепаховыми гребнями длинные, как ручки, косы, хихикали за коврами над чем-то своим... и тихо щебетали на родном языке...

Прощальный удар грома был столь силен, сух и раскатисто-трескуч, что Субэдэй, привыкший ко всему, тем не менее приоткрыл глаз. В дымовом отверстии юрты он увидел отразившийся в его аспидном зрачке оранжево-белый зигзаг молнии, скользнувший по пенистым гребням туч огненным драконом... Чуткий слух старого воина различил далекий топот сорвавшегося в ночь табуна. Субэдэю почудилось, что он даже увидел этот вспугнутый громом косяк. Увлеченные вожаком за собой, лошади стлались в намете, едва не касаясь лоснящимися мордами степных трав. Раздутые норы ноздрей с храпом хватали воздушную сырть, копыта выбивали дрожливый гул, в котором он слышал слова старой песни, согревавшей в чужедальних походах душу каждого монгола:

*Вспомним,
Вспомним степи родные,
Голубой Керулен,
Золотой Онон!
Трижды тридцать
Монгольским войском
Встоптано в пыль
Непокорных племен.
Мы бросим народам
Грозу и пламя,
Несущие смерть
Чингисхана сыны.
Пески сорока
Пустынь за нами*

*Кровью убитых
Обагрены.
«Рубите, рубите
Молодых и старых!
Взвился над вселенной
Монгольский аркан!»
Повелел, повелел
Так в искрах пожара
Краснобородый бич Неба,
Батыр Чингисхан.
Он сказал: «В ваши рты
Положу я сахар!
Заверну животы
Вам в атлас и парчу!
Все мое! Все мое!
Я не ведаю страха!
Я весь мир
К седлу моему прикручу!»⁷⁰*

Беззвучно нашептывая слова любимой песни, словно перебирая костяные бусины четок, Субэдэй приподнялся на локте, скрестив ноги, сел на медвежью шкуру и стал раскачиваться в такт слышимым только ему рокочущим бубнам... Перед мысленным взором замелькали знакомые лица давно павших в битвах знаменитых батыров.

– Честь и хвала! Слава великому Чингисхану! – кричали они. – Страх и почитание всего мира да достанется твоему Золотому Шатру! Да умножатся твои стада! Да расцветут твои гаремы, как сад! Тысяча благ да ниспошлется тебе, тысяча желаний да исполнится!

Сквозь цепи воинов просочились вызванные плясуны и выстроились в два ряда, глаза к глазам. Дико загрохотали десятки бубнов, трещоток, засвистали тростниковые дудки... Под гортанные завывания песенников танцоры пустились в пляс, подражая ухваткам медведей, волков и рысей, потом расправили руки-крылья и заскользили по кругу среди костров, точно беркуты над добычей. И вдруг разом, выхватив из ножен кривые мечи, они яростно зазвенели сшибаемой меж собою сталью. «Кху! Кху-у!» – рвалось из глоток прыгающих высоко танцоров. «Кху! Кху-у!» Мечи кроваво сверкали в багряном зареве пылавших костров.

А со всех сторон из разверстых ртов монгольских воинов летела неистовая ликующая песня:

*Вперед, вперед,
Крепноногие кони!
Вашу тень
Обгоняет народов страх...
Мы не сдержим, не сдержим
Буйной погони,
Пока распаленных
Коней не омоем
В желанных
Последнего моря волнах...⁷¹*

⁷⁰ Стихотворная обработка монгольской песни А. Шапиро.

⁷¹ Стихотворная обработка А. Шапиро.

Субэдэй смахнул натаявшую слезу, его «панцирная» душа, неожиданно растроганная, ждала участия и тепла.

– Ойе, Алсу! – Он нетерпеливо шелкнул пальцами.

Из-за тяжелого узорчатого края ковра тотчас показалось юное лицо кипчанки Алсу с подчеркнутыми, протяннутыми до висков бровями. Девушка собралась в комок, будто ожидая удара, но, увидев на темном, как седельная кожа, лице подобие улыбки, а в глазах рыжую искру желаний, поспешила навстречу, упала ниц, обняв руками ноги своего господина.

...Теперь багатур не сердился на своего улана Ухэ, настоявшего поставить на холме «веселую» юрту. «Все верно... так было всегда...»

Испокон веков лучшие из рабынь становились наложницами и скрашивали своей плотью, танцами и певучими голосами скоротечные пиры и гульбища прославленных воинов. С утра эти «пташки» отсыпались, днем объедались восточными сладостями, занимались кройкой и вышивкой, играли между собой в азартные игры, а к сумеркам «чистили перышки»... Натирали друг дружку маслами, расписывали китайской тушью глаза и брови, накладывали румяна и белила и накусывали чуть не до крови губы, чтобы те подпухли сродни цветочным бутонам и стали ярче спелой брусники.

Алсу наконец подняла на багатура свои черные, как смородина, глаза. Страшен был Субэдэй – угрюмый и непобедимый полководец Чингисхана. В орде никто толком не знал, сколько ему лет... Когда-то давно, будучи молодым, он был тяжело ранен... тангутский⁷² меч едва не рассек его до седла; левая рука с тех пор осталась скрюченной, как кочерга, и усохла. Лицо его бороздил через бровь бурый кривой рубец; выбитый глаз затянулся пучком глубоких морщин, зато другой был всегда широко раскрыт и хищно взирал на мир.

– Приход твой да будет к счастью, хазрет⁷³, – прошептала Алсу. – Как прошел день? Удачной ли была охота? – заученно стала повторять она и, наперед зная желания старика, принялась разминать его заскорузлые желтые пятки. – Я скучала... устала ждать. Почему долго не приходил?

– Э-э... слова твои сладки, как халва, но есть ли в них хоть песчинка правды? – Старик закричал, с напускной суровостью погрозил пальцем, злорадный зеленый огонек вспыхнул в его оке. – Что ты тарачишься на меня, как сова из дупла? Разве не так?

– Хазрет!.. – Девушка посмотрела на багатура глазами рассерженной рыси, но тут же заговорила тихим жалобным голосом: – Я ли не ублажаю тебя, сердар⁷⁴? Я ли не жду тебя долгими ночами?..

– Ладно, уймись. – Субэдэй потрепал ее за атласную щеку. – И гонец скорби может принести радостную весть. Дай-ка мне мяса... Плесни унны в пиалы... выпей со мной за победу мечей Кагана...

Кипчанка провела тонкими пальцами по глазам, изогнулась гибким станом к очагу... А Субэдэй, как тигр, оскалился, почуяв близкое теплое дыхание ароматной кожи; глаз заискрился от предвкушения... видя, как натянута вздрогнула и качнулась под газовым шелком упругая юная грудь.

– Что выберешь, хазрет? – Наложница, стараясь всячески угодить, кивнула на яства. На ковре, устланном китайскими циновками, стояли серебряные блюда: тут было и запеченное на углях мясо молодой кобылицы, и пятнистого оленя, и сайгачьи⁷⁵ тушеные языки, и бараньи головы, и копченые ребра, искусно справленные по восточным рецептам рабом Саклабом. На

⁷² Тангутское царство – одна из областей северо-западного Китая, покоренная Чингисханом.

⁷³ Государь (тюрк.).

⁷⁴ Господин, начальник (тюрк.).

⁷⁵ Сайгак – среднеазиатская антилопа.

других подносах стояли аланские кувшины с кумысом, айраном, красным персидским вином и монгольской водкой – унной, которую сами кочевники называли «хитрая вода». Она опьяняла не вдруг и мягко, точно кралась к голове на кошачьих лапах, но после третьей пиалы редкий воин мог устоять на ногах... Были тут и спелые фрукты из далеких южных краев, доставленные гонцами, скакавшими много дней от «харагу» к «харагу»⁷⁶ на сменных конях... И странно было видеть такое изобилие в этой дикой степи, где бродили лишь табуны лошадей да рыскали волки.

Алсу зазвенела монистами, наливая в пиалы прозрачную, как хрусталь, унну.

...Из-за шелковой занавески, там, где находилась женская половина, раздался придушенный смех, а следом послышался голос флейты и негромкое пение наложниц.

Субэдэй, довольный «ночью утех», сидел на звериных шкурах, подобрав ноги, и, громко чавкая, выбирал куски жареного мяса с подноса, который поставила перед ним Алсу. Лучшие, сочные куски посмеивающийся старик время от времени совал ей в рот, выказывая тем самым свою благосклонность и милость.

...Они вновь поднесли пиалы к губам, и он с подозрением отметил, что с появлением этой черноглазой кипчанки в гареме у него, как прежде, как у молодого жеребца, закипает кровь в жилах.

«О, страсть моя... – Узкая, как сабельный надруб, улыбка рассекла лицо Субэдэя. – Что делать мне? Последние дни охая, ложусь... охая, встаю... Долго ль охать мне?.. Ты свет моих глаз, да переломятся твои перья... Ты, небесная голубка, занимаешь мою голову больше, чем ратные дела!.. Твоя грудь бела и тверда, как сыр, полна, как вымя кормящей кобылицы... Твои зубы – жемчуг, а в очах твоих отражается звездная ночь... Бедра твои крепки и выносливы... в горле твоём льющаяся вода сквозит, а на ложе ты резва и проворна, как ненасытная блоха...»

– Все не насмотришься? – Она закинула назад голову, разметав черные косы по полу. Смех ее зазвенел серебряным колокольчиком. Алсу упивалась своей властью над грозным, непобедимым Субэдэй-багатуром – Барсом с Отгрызенной Лапой. Изогнувшись игривой кошкой на пышноволосях шкурах, прижавшись колотящимся сердцем к краю парчовой подушки, она томно поглядывала, физически ощущая, как жадно, вскипая от ее наготы, он едва удерживал узду своего порыва.

– Что, нравлюсь, хазрет? – Она умело, с дикой грацией придвинулась ближе. Ее дышащий живот почти касался его колена.

– Ты мое колдовское зелье... Это плохо, – прохрипел Субэдэй, продолжая пожирать ее взглядом.

– Что ж не выплеснешь за порог свою «полынь»?..

Алсу протянула руку и стала нежно, едва касаясь кончиками пальцев, поглаживать его напряженную, изрезанную морщинами шею. Странно, но она не испытывала к этому уродливо обезображенному старику неприязни или страха. Напротив, ей даже нравились его суровые морщины, рубцы и шрамы, которыми пестрело жилистое тело, его твердое, как камень лицо.

...Графичные очертания юрты размылись, утратили свою прикладную сущность, когда он ощутил на своем плече воздушный бег ее трепетных пальцев и, словно продолжение их, проникающее знобящее тепло, уходящее в глубину, под сердце.

– Змея-а-а... – Субэдэй отшвырнул к порогу баранью лопатку, вытер сальные пальцы о подрагивающие крепкие груди кипчанки, подхватил длинную черную косу и провел ею по редким усам.

За ковром поперхнулась флейта. Стихли голоса. Субэдэй усмехнулся: уж кто-то, а он хорошо знал ревнивый норв этих веселых разгульных наложниц, побывавших в шахских гаре-

⁷⁶ Слово «караул» заимствовано из монгольского языка, произошло от слова «харау», или «харагу», что означает: охрана, защита, застава.

мах, обученных искусству любви и привыкших к подаркам. «Злятся, овцы. Знают, что сегодня не их ночь...»

Серебряные браслеты на узкой руке призывно блеснули... В голосе Алсу зазвенела обида: – Я устала ждать... Скоро усну!

Эти жалящие самолюбие мужчины слова как плеть подействовали на Субэдэя. Схватив кипчанку за косы у корней волос, он рывком подмял ее под себя.

...В черно-охристом полумраке, среди раскиданных атласных подушек, опрокинутых кубков и пиал, замшевых сумок и перевернутых блюд с костями, он терзал и клевал ее, как коршун голубку.

Она вырывалась, смеялась, кричала, задыхаясь в его нескладном, но оттого еще более злом объятьи; царапала ему спину ногтями и... снова, подобно степному цветку, дрожащему под тяжестью шмеля, вбирала его непреклонную силу...

Костер в очаге давно прогорел и теперь лишь мерцал рубиновым пересветом углей, но старый монгол продолжал вырывать из груди молодой кипчанки сдавленный сластолюбивый стон, упорно проникая в ее знойную глубину, тщетно стараясь утолить свою жгучую и свирепую страсть.

Но вот в какой-то момент она, лихорадочно задрожав всем телом, намертво прикипела к его сырой, торжествующей и рычащей плоти...

...Светало, когда опустошенный Субэдэй оттолкнул от себя докучную девку с влажными, по-козьи расхोлившимися грудями и устало откинулся на тигриную шкуру. Его тревожные думы о Киеве, о бородатых урусах, об их князьях растворились на время и канули в черных струях волос Алсу, среди ее искусанных алых губ, изломленных стрел бровей, стиснутых смуглых колен...

Он лежал без мыслей, без чувств, вверх бородой, и в его меркнувшем грозном оке больше не билось карее пламя. Последнее, что он зрил в эту «ночь утех», был окончательно прогоревший костер, над которым седой струйкой курился дымок и тянулся к отверстию над головой, где, как лучи мироздания, сходились деревянные дуги юрты, а оттуда улетал в розовеющую высь, в которой таяла синяя звезда.

* * *

Холодное, росистое утро разбудило юрту Субэдэй-багатура неожиданной вестью...

Весь остаток ночи кипчанка не сомкнула глаз. Точно распятая, пролежала она возле ног своего владыки, оберегая его священный сон. Тело Алсу продолжало держать в себе жаркую память бурной ночи. Она до сих пор ощущала его напор, его пробивающую силу и, казалось, слышала и сейчас рвущийся из горла Субэдэя клекот и хрип... На смену этим будоражащим ощущениям приходили другие... они наплывали как волны, наполняя ее горячими покальваниями, разливаясь по всему телу блаженным спокойным теплом...

Во сне Субэдэй тяжело дышал, случалось, стонал, вздрагивал, но она, ведая над ним свою приворотную власть, взирала, не мигая, на перекроенное глубоким шрамом лицо и тихо скулила монотонную кипчакскую песню, поглаживая иссохшую, как плеть, руку, укрывая икры и щиколотки его узловатых ног верблюжьим одеялом. Разве он уродлив? Шрам поперек лица – украшение воина.

...Алсу, дочь простого мергена-охотника, не видавшая в жизни более радостных дней, чем в белой юрте Субэдэя, была рада ублажить старика. Став полгода назад пленницей татар на берегах Сейхуны, она пошла по жадным рукам сотников и десятников, скрашивая своими юными прелестями дикие гульбища воинов и старшин...

И вот теперь, по взмаху крыльев судьбы, она оказалась под покровительством прославленного полководца, на посланиях которого ставилась смоченная в крови врагов печать⁷⁷ со словами великого Чингисхана:

*Бог на Небе,
Каган – божья мощь на земле.
Повелитель скрещения планет.
Печать владыки всех людей.*

«Да обрадует тебя Всевышний...» – Она хотела было подложить своему защитнику подушку под голову, когда... первой услышала запаленный сип подъехавших лошадей и хриплые голоса часовых; лязг оружия заставил ее вздрогнуть и укрыться с головой одеялом.

Полосатый полог юрты приоткрылся и прозвучало приветствие:

– Довольство, простор и благополучие тебе, храбрейший!

– Мир входящему... – хмуро буркнул в ответ поднявшийся Субэдэй.

Сухопарый монгол с угрюмым лицом, черными глазами, весь накрытый стальными латами, перешагнул порог и низко склонил голову.

– Зачем нарушил мой сон, Тынгыз? – Багровый шрам на лице принял свинцовый оттенок, округлившийся, навывкате глаз пытливо воззрился на тысячника. – Как ты смел войти сюда, в запретные покои? Ты знаешь?..

– Знаю, мудрейший. Прости и выслушай. – Воин, приложив правую руку к груди, распрямил спину.

– Говори, я услышал тебя.

– Ночью начальник шестой сотни моей тысячи Чан-жу делал объезд. После боя Джэбэ-нойона с презренными псами Котана на берегу осталось много повозок... Они полны бобровых и лисьих шкур, собольих шуб и серебра...

– Знаю! Говори немного о многом! – Глаз Субэдэя затлел зеленым недобрым огнем.

– Чан-жу притащил на арканах двух пленников...

– Ты помнишь наказ Посланника Неба? Посла не душат, посредника не убивают. Тот, кто не исполняет воли Чингисхана, теряет голову.

– Да, храбрейший, но они не послы... Эти шакалы грабили чужое добро. Прикажи удавить их тетивой или залить их глаза и уши кипящей смолой.

– И ради этого ослиного дерьма ты нарушил мой сон?! – Темное лицо багатура собралось в сеть морщин. – Кто они?

– Уруссы, мой господин.

– Уру-у-сы?! – Ноздри Субэдэя задрожали от гнева. Задыхаясь, он захрипел, накинувшись на своего нукера: – У тебя мозги барана, Тынгыз! Я рано дал тебе бекство тысячника, тебя следовало оставить командовать сотней! Иди и жди меня у юрты Совета. И если хоть волос падет с их головы, я прикажу посадить тебя на кол.

Побледневший нукер не замедлил покинуть «веселую юрту» грозного Субэдэя. Барс с Отгрызенной Лапой не бросал слов на ветер, и тысячник знал это не хуже других.

* * *

Как только войлочный полог опустился за темником, Субэдэй быстро собрался, пристегнул к поясу меч-кончар и направился к выходу. Но стоило ему сделать шаг, как его остановил горячий, требовательный шепот:

⁷⁷ На письме кагана к повелителям других народов печать была синего цвета, на обыкновенных документах – красного.

– А я? Ты забыл меня, хазрет? Я боюсь оставаться здесь... без тебя...

Субэдэй подошел к ложу и шумно сорвал с наложницы одеяло. Алсу лежала на шкурах, испуганно прикрывая руками грудь.

– Кого ты боишься? Чьих рук? – Он схватил ее за плечо, но она, увернувшись, откатилась в сторону. Ее длинная черная коса шмыгнула по ковру, как ускользящая гюрза, но багатур успел ее поймать, наступив белым замшевым сапогом на конец «хвоста». – Скажи, чьих?! И я прикажу отрубить ему руки или заживо сварю эту собаку в котле! Нет? Молчишь?.. Тогда зашей свой рот и не смей отрывать меня от мужских дел, женщина!

Он зверовато усмехнулся, глядя в ее настороженно-выжидающие глаза в обрамлении черных ресниц, затем перевел взгляд на подрагивающий круглый, с темным пупком живот; запустил руку в сафьяновую кису, притороченную к его поясу и щедро осыпал золотыми динарами этот... любимый живот.

– Жди и знай: никто не смеет бояться, находясь под защитой моей руки.

Глава 8

По вольному глянецвитому шляху, ведущему в Киев, вдоль могучего Днепра, где в течение многих столетий проходили торговые обозы и богатые караваны, сразу после прихода полчищ татар в Дикое Поле движение встало. Опустели придорожные корчмы и харчевни, радушные «питейники» и постоялые двory... Все они – заброшенные, в спешке покинутые, без ворот, крыш и крылец, выломанных и растасканных ратниками княжеских застав на костры, – угрюмо и сиро доживали свой век, став приютом для лихого бродяжьего люда, одичавших собачьих стай и хрипатого воронья.

...С тревогой и тяжелым сердцем взирали на это запустение дядька Василий и Савка Сорока, возвращаясь в Киев вместе с панцирниками старшины Белогрива. И чем больше наблюдали эти картины, где всюду валялись растасканные канюками⁷⁸ и шакалами людские кости, остовы разбитых телег и брошенный скарб, тем крепче наливались их души тусклые свинцом.

Повозка на высоких половецких колесах, в которой тряслись оставшиеся «вживе» (после стычки с монголами) галичане, сводила с ума унылым скрипом. Перегруженная ратной поклажей, кольчугами и щитами, она едва поспевала за рысившей верхами дружиной. И как ни резвил, как ни подгонял кнут Василия упряжных быков, они с тупым равнодушием продолжали мерять пыльный большак набранным ходом.

– Эва, какая хрень-мертвечина вокруг... Жуть, да и только... Ни людены тебе, ни дымка живого... – со вздохом ворчал зверобой. – Одне только коршунюги над нами крестами могильными кружить...

Дядька Василий привстал на коленях, шупая глазами степь, подсчитывая версты до зеленой каймы показавшихся дубрав.

– За весь вчерашний ден, почитай, от самой заставы Печенегская Голова... лишь два обожратых стервятиной⁷⁹ бирюка пересекли нам дорогу. Сытые, сучары, мать-то их в хвост... Не пужливые вовсе! Ровно мы все тут теперя не люди... Так-то вот, гаврик... Одно слово – татаре тут прошли. А ведь это... слышь, Савка?! – Василий в сердцах вытянул бычьей спины кнутом. – Токмо их, значит, татаров передок тут клювом пощелкал, вынюхал, шо и как... Теперича жди, Русь... нагрнуть, дьяволы, всей темнотой поганой, только дяржись! Ты шо молчишь, букой? Плечо-то как твоено? Ноить?

– Да шо мне будет! – Сорока ощерил кипенные зубы в улыбке, почесал вокруг перевязанной раны бурое от загара плечо. – Ты ж знаешь, кум, на мне все як на собаке заживает.

– Эт точно, – подморгнул зверобой. – Скорее гавкать начнешь, як псина. Га-а-га-га-а!

...Сверкая доспехами, дружина ходко пересекла кочковатый летник, по которому еще в прошлом году народ перевозил сено к гумнам, когда до слуха долетел гул набата. Тревога в Киеве! Воевода всадил каблуки в бока пляшущего на дыбах жеребца, поскакал обочь леса, следом за ним, гикая на коней, сорвалась дружина. Версты полторы всадники торопили оскаленных лошадей плетью и криком. Долгий овраг, излучисто тянувшийся вдоль грудины холма, повернул влево... У рубежного съезда, там, где дорога разбегалась на три отрожины, отряд по знаку поднятой руки Белогрива придержал борзых коней. Теперь они остро воспринимали каждый звук, нервы у всех были на пределе.

Савка насилу дождался, когда взопревшие быки с надсадным ревом домолотились до места.

⁷⁸ Хищная степная птица семейства ястребиных, крик которой напоминает плач; сарыч.

⁷⁹ Падаль, мертвечина (разг.).

– Дывься, кум! – Сокольниковичий, поднявшись на возу во весь рост, указал рукой в сторону Днепра, куда с тревогой вглядывались и все остальные.

А там переполох! Содом и Гоморра!⁸⁰ Левый степной берег Днепра, супротив Киева, был на две версты запружен скопищами людей. Берег, казалось, обратился в расплзающуюся вдоль воды разношерстную лаву. Покрышки повозок, конские морды, шлемы, щиты, копья – все двигалось и искрилось на солнце. Синие, зеленые, желтые стяги – отличительные знаки родов половцев – мятежно колыхались над скопищами все прибывающих из степи всадников.

– Едем! – Белогрив, привстав в стремях, взмахнул плетью.

* * *

Между тем оба великокняжеских парома были захвачены половцами, наехавшими внезапно, как гром не из тучи. Панический страх, как черный всполох грачиных стай, мерцал в их безумных глазах.

Угрожая кинжалами перевозчикам, они, давя друг друга, штурмовали паромы, будто за ними гнался сам дьявол. От несметного множества беженцев паромы стонали, скрипели, крепились то в одну сторону, то в другую; черпали бортами воду, грозились затонуть – вода то и дело журчливо гуляла по бревнам, слизывая в реку узлы и мешки седоков...

– Доро-о-огу! Прочь с дороги, трусливые псы! За-рублю! В сторону, кр-рысы!

Рассекавшие с яростным свистом сабли охраны потеснили оружие толпы, проложили старому хану Котану проезд к перевозу. Прославленный половецкий хан в окружении лихих горцев-аланов торопливо проехал к парому. Крапчатый, как снежный барс, конь под ним сверкал налитыми кровью глазами, бочил голову, изогнув дугой шею, чесал морду о мускулистую грудь.

Котан держался с достоинством, величаво, как и положено грозному хозяину степи, но видно было, что и его взор был налит страхом; глаза покоя не знали, беспокойно косились то на темные воды Днепра, то на бурливые волны собственного обезумевшего войска.

...Одним небесам известно, чем бы могла закончиться сия свистопляска, если бы с правого берега на больших ладьях не подспели дружинники великого князя киевского. Укрывшись червонными щитами и ошетилившись копьями, они отогнали рычащие скопища половцев, расчистили место перевоза, способили старому хану подняться на паром.

Киевские старшины указали половецким вождям доступные броды, и... вскорости те закипели под многотысячными табунами коней, ревущими гуртами длиннорогих быков, оглашались тягучими стопами верблюдов и нескончаемым скрипом пестрых повозок.

...На крепостных стенах налипший гроздьями народ отказывался верить глазам. Никогда еще видавший виды на своем веку Киев не зрил такого столпотворения племен и народов Дикой Степи у своих стен. Десятки других половецких ханов из южных степей потянулись со своими родами на русскую сторону по всем бродам и переметным мостам.

– Мать честная! Святая Богородица!.. – крестились, с тревогой всматриваясь в кишачие половцами воды, русичи.

– Эт шой-т будет, православные?! Нехристи-то все при оружии и броне к нам пруть! Ни песен, ни дудок с бубнами их не слышать...

– Нет ли тут черного умысла? Спаси Господи...

– Ишь ты... как разбежались, тараканы поганые. Видать, и вправду всех их нужда великая с гнезд скovyрнула...

– Вона, братцы! И Котан ихний тут как тут!

⁸⁰ Содом и Гоморра – названия городов древней Палестины, которые, по библейскому сказанию, были уничтожены землетрясением и огненным дождем за грехи жителей.

– Где?! – кричал кто-то из ремесленных, приложив к загорелому лбу грязную ладонь.
– Да вонь-ть, ослеп, шо ли, дуралей старый? На пароме! Чекмень на ем алый – вырви глаз, сободем, язвить его, подбитый... В лисьем хвостом малахае... Сыскал? Ну, то-то...
– Ишь, душегуб... держится за «перилки»... в кожаных перстатых рукавицах... Смел-то смел, а тожить... обосрался пред лютым татаром... А он ведь, Котан-кровопер, мать его... один моgetь в однораз силушку ломовую выставить. Ох, дяржи крепче, Русь, топоры.

* * *

Два дня кряду, от рассвета до заката, переходили Днепр половецкие скопища.

Паромщики изломали хребты, гребцы вывернули лопатки на веслах... И те и другие валились с ног, перевоза огромные караваны Котана: и отборных кипчакских коней, закутанных в расшитые ковровые попоны, и охотничьих соколов, и верблюдов, груженных ханской казной, и племенных буйволиц, и приодетых тут же, на переправе, чужеземных пленниц с «ноч-нозвездными» очами, союзнобровых, украшенных с ног до головы бусами, монистами и бубенцами... И все это – драгоценное, дорогое – везлось в дар русским князьям под захлебывающийся страхом вой: «Спасите! Оберегите нас от татар!»

...Теперь в переполненном Киеве пуще прежнего ждали приезда князей с дружинами. С надеждой ждали, с отчаяньем, с гнетущим страхом...

С густым фиолетовым веером сумерек на притихший город сползала из угрюмой степи клейкая духота, ветер-летун насыщал воздух горьким запахом далеких пожарищ... За Днепром табунилось непроглядное гривье туч и раскатисто лопались громовые литавры, но не роняло небо на растресканную, дышавшую жаром землю долгожданной влаги... И впустую сверкала молния, кроя небо слепящим косматым всполохом...

Невесть откуда на Софийской звоннице, разогнав гнездящихся сизарей, объявилась чета лупоглазых сычей. Жуткие замогильные стоны по ночам рассыпались над крепостными бойницами, теремами и застрехами⁸¹ холопских изб, пугая детей, вселяя суеверный трепет в души людей. Крылатых бестий прогоняла берестяными трещотками и факелами стража, но клювастая чета бесшумно перелетала на городской погост и ухала до зари над серыми буграми окаменевших могил.

– Спаси и помилуй, худому быти... – пророчески роптали старики, заслышав с кладбища ведьминский хохот, то плач.

– Невиданная кровь и мор ждет Русь.

– Бають, тако уж было пред нашествием хазар...

– А можа, Христос милует... чума татарская стороной пройдет?

– Добра не жди, брат, с колокольни к мертвецам спархивають, окаянные... Ох, Святый Крепкий, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради!..

* * *

Их уже не ждали, когда они наконец пришли. Дружины южных князей, точно серебряные ручьи, стекались в Киев. Закованные в кольчуги и броню, с густыми рощами копий над сверкающими шлемами, они все выходили и выходили из раскидистых дубрав и с полей в пешем и конном строю, укрытые щитами, в длинных боевых плащах; с флангов скакали порученцы князей, то и дело летели команды, но все это безнадежно тонуло в железном лязге оружия и грохоте тяжело груженных подвод.

⁸¹ Продольный брус в крыше крестьянской избы, в который втыкаются кровельные доски (устар.).

...Задыхавшийся от беженцев Киев встретил ратников с настороженным ликованием и угрюмым колокольным звоном; город смотрел на припозднившиеся дружины как на диво, невесть откуда явившееся, способное избавить от страха и неуверенности, опутавших его древние стены.

С завистью, любопытством, с тайной надеждой и страхом разглядывали закованных в лучистую сталь дружинников и скопища половцев.

Ехавшие верхами на ретивых конях князя: переяславские и черниговские, волинские и полоцкие, любецкие и бужанские – далекие потомки великого Ярослава Мудрого, правнуки и праплемянники Игоря и Ростислава, Изяслава и Всеволода, Олега и Святослава, Всеслава и Владимира – тоже с нескрываемым удивлением взирали на открывшийся их взглядам «вавилон».

Беженцы с южных степей заселили все пристани, площади, забили палатками подъезды к городу, подмяли под себя базарные и гостевые ряды, настырно и немилостиво кланчили «милость» от киевлян, пили бузу⁸², грызлись из-за куска лепешки и дрались за место...

Их косматые грязные толпы, похожие больше на болотную нечисть, нежели на прежних лихих вояк, поражали князей своим внезапным упадничеством, настороженными взглядами, в которых тлела, помимо вековой вражды, какая-то затравленность загнанного в угол зверя.

Опираясь на борта своих повозок, на копья и сабли, которыми степняки теперь больше защищались от рыскавших повсюду бездомных собачьих стай, они сами, как бездомные псы, рылись в уличных отбросах, воровали у соседей и резали скот, забивали домашнюю птицу, а во время свирепых внезапных драк убивали друг друга, оставляя на провонявших навозом и мочой пустырях и свалках безвестные трупы.

– Ишь ты, як нужда ноне косомордых согнула да расплющила! – летело насмешливое из пышной свиты переяславцев. – Тишее воды, ниже травы сделались. Дывилси ты, Пламень, как у ворот киевских половецкие старшины нашему светлому князю в пояс кланялись? Поводья коня и стремя кидались целовать... а на устах поганых одно: не оставьте, братья! Исполчите полки! Придите в нашу степь! Способьте прогнать злую силу! Ха-ха-а! Нашли братьев со сватами! А так ли уж страшен враг?

– Да как будто... Уж коли половцы дикие стонуть... а оне-то зверье известное... то, стало быть... кабы нам самим не вертать взады от татарских мечей...

– Тю-у! Ты брось таки речи, Фрол, ежели головушка дорога. Наш князь скор на руку, духом силен... На переправе коней не меняет.

* * *

Съезд князей русских долго ждал выхода великого князя киевского Мстислава Романовича. Дружинники и верные тиуны⁸³ еще загодя известили своего «могущественного» и «высокого» господина о прибытии знатных гостей, ожидавших его появления на княжьем дворе. Однако старый киевский князь не торопился. Тверд и жесток он был в своем решении – выждать.

Душили давние обиды и распри, жгла душу и недавняя боль: князя, за исключением двоюродного брата Мстислава Галицкого и молодого ростовского князя Василько Константиновича⁸⁴, в Киев не спешили... Прибыли на зов его гонцов с большим опозданием... «Так ли

⁸² Легкий и хмельной напиток из проса, гречихи, ячменя, распространенный главным образом в Крыму и на Кавказе (перс.).

⁸³ Название различного рода должностных лиц на Руси в XI–XVII вв. (управляющие княжеским или барским хозяйством, судьи низшей инстанции).

⁸⁴ Василий (Василько), сын великого князя Константина I. После сражения на р. Сити в 1238 году убит татарами. Причислен к лику святых.

случайно? А что как с дальним прицелом да умыслом злым? Быть может, ждали, стервятники, гибели Матери городов русских...»

Узкое, с крепкими скулами лицо киевского князя, обрамленное седеющей бородой, было сосредоточенно и серьезно. Строгие глаза с прямым нависом бровей глядели нерадостно и сурово.

...Сами князья, как видно, тоже не жаждали броситься в отеческие объятия венценосного старика. Уж солнце ушло далече «в обеды», а визитеры, закованные с головы до ног в золоченую сталь доспехов, все еще продолжали стеречь друг друга глазами: кто ж первым не съедит, кто первым снимет с головы шлем и отправится в гридницу⁸⁵ на поклон...

Каждый из них в окружении своей свиты держался особняком, лишь иногда снисходя до скупого кивка или приветственного жеста. От их надменных лиц веяло холодом, в их цепких взглядах пульсировал вызов. Каждый из них, «большой» и «малый», наблюдал за всеми. Каждый желал казаться первым из первых, сильным и властным.

Конец противостоянию попытался положить самый юный из прибывших князей – Василько Ростовский. Светлый золотой пушок бойко колосился на его верхней лукообразной губе и горел на солнце не хуже кольчуги, которая плотно облегла высокие крепкие плечи, сбегая книзу ручьистой, струящейся вязью железных колец.

Он первым порывисто взбежал на каменные ступени великокняжеского крыльца, сорвал с кудрявой головы шлем и пылко крикнул, обращаясь ко всем разом:

– Князья православные, воеводы бесстрашные! Чего же мы стоим и ждем?! Зачем мы в стольный град Киев съехались?.. Не потому ли, что беда грозит городам и волостям нашим? Не для того ли, чтобы, как достославные пращурьы наши, деды, отцы и дядьки, – Руси послужить?! В годину черную закрыть ее щитом от мечей и стрел лютого врага? А ежели так, примите почет великого князя киевского! Идемте ж в палаты его красные! Обсудим, как быть нам... Как бить супостата станем... одной силою, аль врозь!..

Пожар волнения обметал краской свежий лик князя Василько. Огромный, как пастбищный луг, великокняжеский двор молчал. Над глазами сотен людей щитками от солнца повисли ладони. Набухшая, недоверчивая тишина, предшествующая грому, легла, как облачная тень.

И вдруг: «...Мы... с тоб-о-ой!» – ликующе взвихрился рваный от расстояния вскрик смоленской свиты, его поддержали куряне, и вновь тишина расплеснулась над головами.

Василько почуял, как с перебоем стукнуло его сердце... Вокруг, в строгой молитвенной тишине, возбужденно сверкали глаза, слышались нервные переключки голосов. Кто-то задиристо хохотнул среди черниговцев, вскинув над шлемом стальную перчатку.

– Красно глаголешь, Василько! Борзб!

Вперед выдвинулся крутоплечий, шириной в дуб, известный своим буйным нравом князь ветви Ростислава, сын Владимира – Андрей; случилось ему как-то на пиру в Рязани повздорить с другим князем – из воинственных угров... Чтобы не проливать зазря кровь, решено было выйти на скотный двор; выбрали матерого быка-трехлетку, в семь ладоней лоб, на крутых рогах стог сена удержится... Крепко осерчал тогда Андрей на дерзкого угра... Бил кулаком первым – пал бык на дворе, из ушей кровь, из ноздрей кровь... Сколько холопы ни обхаживали – пропал бык, так и не отлежался... Той же ночью со своей охраной от греха уехал иноземец восвояси, окрестив на память Андрея Отчаянным...

...У Василько при виде сдвинутых бровей князя Андрея защекотало между лопаток, выросло вдруг смутное, близкое к страху беспокойство. Но не о смерти думал ростовский князь, отправляясь со своею дружиной в Киев, а о жизни, данной ему Христом, и о ратной доблести, оную жаждал стяжать в бою с татарами... А потому и час нынешний не перестал для него блистать яркими красками.

⁸⁵ В Древней Руси: помещение при княжеском дворе для пребывания гриди (дружины) или для приема гостей.

– Зело борзо глаголешь! – с нажимом повторил полоцкий князь. – Да уж слишком громки слова твои, чтоб им верить...

– Верить иль нет – твое дело, брат. Да только знай, род наш от веку верен Руси. Люблю ее и я! Она, святая, крепко держит меня в своих объятьях. Да я и не жажду иной... Верен и предан ей, как, надеюсь, и вы все! Так останемся, други, верными Святой Руси не только на словах, но и на деле!

– Золотые слова!

– Любо, Василько!

– Мы с тобой, князь! – многогласно и горячо закричала толпа.

Черниговцы, галичане, трубачевцы, а за ними и прочие свиты, звеня броней, направились к широкоступенчатому крыльцу. Но наперед других успел подняться Андрей. Потеснив Василько недобрый взглядом, он круто повернулся лицом к напиравшей толпе.

Шедшие вослед гридники⁸⁶ остановились под широким взмахом его разверстой пятерни.

– Погодь шуметь, Русь! – суровая глазами, прорычал он. – Слова и вправду хватают за душу. Да только кто их говорит нам, братья? И вместо кого?! Спору нет – зачем мы тут... Но где же язык самого Киева? Где сам пресветлый князь Мстислав Романович?! Иль на поверку тако его уважение к нам? – задыхаясь от гнева, ударил себя в грудь полочанин. – Все верно, родич наш князь Василько прискакал со своей дружиною с далекого севера, от Ростова Великого. Я со своими молодцами пришел с запада, кто-то с юга, а кто-то с востока... И все мы тут по спешному зову Киева для ради земли Русской, для ради христиан... Знамо и то, что тихой кротостью и вразумлением злого недруга не остановишь... Но я вновь спрашиваю вас: кто кого призвал в Киев кровь проливать? Где Мстислав?..

– Верно, верно, Отчаянный! Где князь киевский?

– Кто звал нас сюда? – с новой ожесточенностью закричали в толпе.

– Супо-онь, православные! Будет лаять да зубы скалить! Остынь и ты, князь Андрейко! Негоже в такую пору людей баламутить!

Толкотня поутихла, по кольчужным рядам прокатился ропот:

– Мстислав Удалой!

– Тише! Галицкий князь слово держать будет...

Ратники с жадным любопытством, отталкивая друг друга локтями, плечами, старались узреть легендарного князя, прославленного кровавыми сшибками и победами над уграми и ляхами.

Скрипя зубами, ворочая бычьей шеей, смолк и князь полоцкий, продолжая испытывать жгучее желание сбить с ног каждого и дать волю своему двуручному мечу супротив того, кто скажет ему поперек.

Мстислав, придерживая на широком поясе прямой меч, резво поднялся по крутым ступеням. Как и остальные, он был готов к сече: на голове его сиял витыми гранями хвостатый золоченый шлем, грудь и спину хоронила выпуклая пластинчатая броня. Багряный с серебряным шитьем по краю плащ струился долу и оживал складками при стремительном шаге.

Поравнявшись с Василько, он дружески приобнял его; был Мстислав открыт лицом, горяч синеоким взором.

Застывшая панцирная лава слушала князя галицкого, затаив дыхание. Всем осточертело калиться на солнце зазря; хотелось ясности действий, княжеских яств и долгожданного отдыха...

– Все в мету⁸⁷ сказал нам Василько... Прав во многом и князь вольнский... Но время ли нам раскидывать камни? Нет! Время собирать!.. Все мы – сыны одной земли Святорусской!

⁸⁶ Дружинники, воины (устар.).

⁸⁷ В точку; в десятку, в яблочко (устар.).

Так забудем старые споры и распри, и войны с половцами! Во-о-он их столько ныне у стен киевских... Больно смотреть на них...

– Так иди, пожалей иродов! – взорвались отдельные возгласы.

Но Мстислав Удалой будто не слышал, держался своей борозды, ровно шел один за плугом по пашне; голос его налился звонкой медью:

– Было время, и мы били и полонили половцев... Было – и они нас жгли и громили... Ан ныне черные крылья нависли над всеми нами! А когда зло грядет неведомое, безмерное... краше союз да лад иметь, чем кровь и смерть с половцами. Ежели ноне мы не подыдем меч против безбожных татар хана Чагониза... завтра закатится солнце и для нас! Степняки передаться им могут... и силы вражьи стократно умножатся.

– То-то и оно, княже! И Котан тутось, твой тесть⁸⁸... Видали мы нынче его шайтан-шантер при въезде у Золотых ворот⁸⁹. Иш-шо поглядим, не переметнется ли он сам к татарве! – зло огрызнулись смоленцы.

– Молкните вы, зубоскалы! – набросились на них галичане. – Дайте догутарить достойнейшему среди нас!

Полочане рубили сплеча:

– Князь ваш ума решился! Половецкие псы – враги нам с рожденья. Кровь можно смыть токмо кровью! Ихни скопища теперича в наших пределах без мощи, без силы. Перебить их всех след, как гадюк подколодных, жалище вырвать, а богатства награбленные забрати и поделить меж собою! Один бес наше оно, все как есть!

– Верно, братья! Неча поганым потакать! На кой... нам спасати чертово семя? Удавил бы их хто! Без них во степе зараз дышать легче станет!

– Нехай сами кровьями умоются, а мы потешимся с крепостных стен! А-ха-ха-а-а! Смерть волкам, а не выручка!

Новые набрякшие злобой и ядом голоса, перешибая друг друга, смешались в криках и хрипах в единый рычащий ком.

⁸⁸ Действительно, отношения Руси с восточными и южными соседями отнюдь не исчерпывались кровной враждой и взаимными набегами. Русские и половцы торговали друг с другом; русские князья женились на половчанках и отдавали за степных владык своих дочерей. Так, на дочери знаменитого половецкого хана Котана был женат Мстислав Удатный (Удалой). Кстати, именно Котан и сообщил первым своему зятю о появлении нового грозного врага. Следует отметить, что русские встретились с монголами лишь после того, как к ним обратились за помощью половцы.

⁸⁹ «В город вели ворота, количество которых зависело от его размеров. Так, в Киеве было пять ворот (врат). Самые торжественные – Золотые. Над ними была сооружена надвратная церковь. Много легенд связано с Золотыми воротами: через них стремился войти в город враг, чтобы продемонстрировать свою победу; через них же въезжали и самые почетные гости» // Кацва Л. А., Юрганов А. Л. История России VIII–XV вв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.